

Хорват Вера

Дунайские таблицы / Пер. с сербского Олега Комкова. –
PAIDEIA, 2015. – 247 с.

ISBN 978-86-7448-621-4

Впервые на русском языке (с параллельным текстом оригинала) публикуется одно из ярчайших произведений современной сербской литературы – поэтическая книга Веры Хорват “Дунайские таблицы”, представляющая собой удивительное лирико-философское исследование культур, исторически связанных с Дунаем. Восемь стихотворных циклов книги могут быть прочитаны как своеобразное поэтическое плавание по времени, связующее древние цивилизации Придунавья с нынешним днём. От правремен, от изваяний Лепенского Вира и вучедольской глиняной голубки, от мифической праславянской «Голубиной книги», через символы минойской культуры, через образы, воплотившие мифические фракийские дали, греческую, а после римскую эпоху, через ключевые даты истории сербского средневековья до начала духовного обновления, ознаменованного христианским возрождением, – Вера Хорват соединяет важнейшие исторические вехи, оживотворяет их и делает так, что, переключаясь друг с другом, они образуют незримую, но почти осязаемую линию.

© PAIDEIA, 2015

© Вера Хорват, 2015

© Злата Коич, 2015

© Олег Комков, 2015

Вера Хорват

ДУНАЙСКИЕ
ТАБЛИЦЫ

ДУНАВСКЕ
ТАБЛИЦЕ

Перевёл с сербского Олег Комков

PAIDEIA

2015

ДУНАЙСКИЕ ТАБЛИЦЫ ВЕРЫ ХОРВАТ

Книга Веры Хорват «Дунайские таблицы» (впервые вышедшая в свет в белградском издательстве «Paideia» в 2009 году) – удивительный образец единства в многообразии, завораживающее поэтическое целое, рождённое высоким вдохновением, пропетое ясным, звонким, играющим, зрелым, самобытным поэтическим голосом и, в то же время, до крайности бережно и тщательно выстроенное на глубоком и прочном фундаменте древнего (индоевропейского, славянского, балканского, европейского) культурно-исторического наследия. Коль скоро автор книги по образованию – историк искусства, скажем сразу: наследие это воскрешается и осваивается здесь прежде всего поэтическими средствами, а никак не одними лишь знаниями, которые сами по себе столь же очевидны, сколь и обширны.

Дунай, как наша пра-колыбель, пра-аорта нашего поднебесья, мифическая и библейская река, как символ памяти и знак отчизны для многих народов, чьи судьбы в течение тысячелетий сливались воедино на этих берегах, – являет собой в книге центральный мотив и двуликую эмблему, означая вместе вечное и текучее. Впервые представ в одном из стихотворений в облике гигантской рыбы, которая заглатывает жертву и одновременно сама возложена на жертвенник, Дунай присутствует в каждом цикле книги как жи-

вое двустороннее зеркало, в котором небо и земля скрепляют свои неисчерпаемые и непостижные энергии, или как бесконечно вьющаяся лента, опять-таки двусторонняя, которая тысячелетиями вбирает в себя и пронизывает собою наслоения минувших цивилизаций, рождая новые знаки, мгновенно обретающие форму и силу, дабы уловить и обнаружить некий сущностный шифр бытия, каковым и является само поэтическое слово – высеченная на камне запись о прошлом и послание в будущее. В то же время, эта могучая река памяти впечатывает в человеческое сознание, будто в свои широкие берега, все те смыслы, которые несет в себе вода как праэлемент, как основа жизни, залог материального и духовного существования и, вместе с тем, свидетельство предзаданной амбивалентности: знаменуя собой исток жизни, начальный виток цивилизационных циклов, она тем самым напоминает и об их устьи.

Восемь стихотворных циклов книги, внутренне сплетённые в художественное единство, могут быть прочитаны и как своеобразное поэтическое плавание по времени, связующее древние культуры Придунавья с нынешним днём, символически представленным в заключительном стихотворении «Февраль». Удивительно строится в книге этот образный и тематический ряд. От правремен, когда вершились космические судьбы метеоритов, от распавшихся, раздробленных мегалитов, обработанных земными силами; от далёкого дохристианского периода, от изваяний Лепенского Вира и вучедольской глиняной голубки; от мифической праславянской «Голубиной книги» («вышней книги» первого стихотворения) и различных элементов других славянских духовных текстов; через символы впечатляюще воскрешённой минойской культуры; через образы, воплотившие мифические

фракийские дали, греческую, а после римскую эпоху; через ключевые даты истории сербского средневековья с её знаменитыми правителями и градостроителями, последними повстанцами и свидетелями исторического слома; до начала духовного обновления, ознаменованного христианским возрождением и его символами (монастырь Девич, праздник Воскресения), – Вера Хорват соединяет важнейшие исторические вехи, оживотворяет их и делает так, что они сами, перекликаясь друг с другом, образуют незримую, но почти осязаемую линию.

Немаловажно заметить, что линия эта может восприниматься и как сам могучий дунайский поток – и тогда точки, которые она соединяет, воистину предстают каменными таблицами, извлечёнными из водных глубин; в этом смысле поэтическую книгу Веры Хорват можно было бы сравнить с богатейшим лапидарием или даже с крепостью, сложенной из таблиц – исписанных равно течением веков и вдохновенной человеческой рукой.

И столь же немаловажно подчеркнуть, что завершающий авторский штрих доводит эту линию до тех точек устья, которые уже превращаются в горные меты. Речь идёт о заключительных циклах «Девич» и «Зимовье». В первом из них уже сами названия стихотворений – «Златовязь», «Церковь Св. Спаса», Богородица Элеуса», «Неделя», «Цветы», «Литография», «Синайский камень в Девиче» – указывают на высокий духовный импульс, питающий сферу познания; во втором (стихотворения «Яблоня из Елабуги», «Зимовье», «Февраль») очевиден другой импульс, берущий своё начало из области поэтической: здесь утверждается сестринское сотворчество автора с Мариной Цветаевой. Обе «меты» показывают, что та мощная линия, которую Вера Хорват проводит

всей композицией своей книги, по сути неоднородна, сплетена из разнонаправленных течений (как и подобает образу реки-хребта). Но и это не всё, что нужно сказать об этой линии: уже в самом начале книги, словно бы в качестве фундамента для будущего строительства, автор ставит кругло-спиралевидную печать и развивает этот образ, неизменно усиливая его, до самого финала. И нельзя не увидеть, что линия «хребта» «Дунайских таблиц» (да и могло ли быть иначе?) на самом деле ещё и кругообразна, спиралевидна.

Дабы пройти по своеобразным дугам, кругам и спиральям этой линии, мы должны теперь вернуться к началу книги. В первом цикле, «Лепенцы», утверждается некое многослойное кольцеобразное основание, вычерчиваются такие многомерные планы, которые сразу же охватывают самые разнородные сферы (воздушные и водные, культурно-исторические и духовные). Как же это происходит?

Первое стихотворение цикла «Лепенцы» носит название «В начале». Показательно, что начальные и завершающие стихи этой вводной песни уже образуют круг («В начале/ слово было/ песней» и «в дни когда песни/ были словами/ а слово –/ песней»). Этот круг, в котором утверждается знак равенства между словом и пением как двумя началами, между пением и бытием – есть исходный магический круг, который Вера Хорват описывает вокруг себя (своего творческого начинания) как поэтический идеал – не просто наивысший, но единственный желанный, единственный подобающий. Описывает – и остаётся ему верна: именно от этого начального круга, с каждым последующим циклом, если не с каждым стихотворением, до самых последних строк книги, ширясь, расходятся новые тематические и смысловые круги – словно камень (который мы читаем), брошенный в воду (которую мы тоже читаем),

опоясывается на её поверхности всё более широкими поясами (которые требуют, чтобы и их мы читали, ибо, открывая всё более широкие горизонты и увлекая всё глубже, тем самым вводят нас в новую, более трудную для освоения азбуку).

Этот первый круг выведен настолько убедительно, что, кажется, являет само «тайное слово» «Голубиной книги»; потому и становится он фундаментом, на котором будет возведено всё здание и в котором запечатлены изначальные поэтические постулаты. Выделим три таких постулата, словно три столпа, на которых держится поэтический мир. Первый гласит о том узорном слове, которое неотделимо от пения: это слово премудрое, объединяющее в себе и собою смысл, предчувствие и знание – о происхождении, пути и цели бытия. Второй именуется «тайное слово» (таковы руны, вырезанные в камне знаки...) – след, который, пробиваясь из подсознательного, иррационального в сознание, «творит резцом наши лица», придаёт форму нашему духу, нашей речи, нашей человечности; подобно тому и мы (должны быть) способны придать форму художественному образу, словно вырезая его в камне. Третий постулат можно было бы назвать заветом: когда вырезаешь свой орнамент (или врезаешь дух в стихотворение, как делает Мандельштам), держись слова «Голубиной книги», этого своеобразного указателя, который, напоминая о священном времени, проведёт тебя сквозь нынешнее – в значительной мере обмирщённое, расплывлённое, разорванное раз-времяне.

Вводное стихотворение по самой своей интонации (изреченное без усилия, плавно, спокойно – как бывает, когда с чувством достигнутой полноты мы оглядываемся на завершённое дело), не говоря уже о смысловой ёмкости, – могло бы с таким же успехом

стать завершением книги. Этому стихотворению отведена роль бóльшая, нежели служить простым введением или даже «замкóм», благодаря которому начало и конец книги образуют внутреннюю смысловую близость, – нас убеждают в том и содержание «Дунайских таблиц», и композиция этой, можно сказать, своеобразной поэмы, и, наконец, само завершение, или «устье», книги.

Все названное: и кругообразный начальный «чертёж», и столпы-постулаты, и торжественный тон – не могло не быть увенчано на высшем духовном уровне: в следующем (также «вводном») стихотворении строки «и в гранях/ камня/ разыграет/ свет» суммируют нечто сущностно важное: внутреннее вызревание камня – в камень драгоценный. Здесь мы видим явление нового начала. Какого же? Новоиерусалимского, о котором непосредственно и говорит нам одно из стихотворений финальной части книги, «Синайский камень в Девиче»: «Что отдашь (...) за смуту чужня в чуде/ за песнь виденья – не чути –/ Нового Иерусалима». Подчеркнём, что эсхатологическое озарение передано здесь именно образом «увиденной песни» – песни, которая есть не только звук, но и картина, *поющая картина*, как сказано в другом месте («Лазарева лествица»^{*}). Не скроем, что так Вера Хорват свидетельствует и о втором своём поэтическом сестринстве, на которое указывает сам образ-реминисценция драгоценного камня (ср. стихотворение «Драгой камень» из «Песнопевца на воде», другой книги автора этих строк^{**}). Возможно, здесь есть и ещё более непосредственная связь, возможно, под *увиденной песней* Вера Хорват подразумевает Откровение Иоанна Богослова – так или иначе, перед нами эсхатологический дух, воскрешённый в начале, оглашённый в финале циклами «Девич» и «Зимовье» и запечатленный

заключительным аккордом книги – стихотворением «Февраль».

В виртуозной «игре» февраля отголосками слышатся и июль, и сентябрь – дабы явилась вся полнота годового круга, дабы в кружении звуков пришло осознание главной духовной задачи и высшей мудрости: необходимо не только всегда держаться этого круга («чтоб ни стряслось с тобою», как говорит Фалес из Милета в одноимённом стихотворении), но и непрестанно, собственным усилием *стремиться* к тому, чтобы *удержать* дугообразный мост между *прошлым* и *будущим* началом. Именно на этом настаивают «Дунайские таблицы», так бережно собирая и шлифуя драгоценный замок, которым круг затворяется и отворяется сызнова, ради превращения линии в спираль. И спираль эта прочно продета сквозь страницы, образуя хребет книги, от стихов о первоначале, в котором «слово было песней», до восхитительной картины заката над Дунаем, когда полукруг солнца на мгновение застывает, словно вынырнув из воды, чтобы возвестить об исходе дня: «А напоследок/ солнца бронзовый гонг/ изводится наполовину/ из вод –/ дню последняя дань:// одно лишь *Do*/ и оды исход». (Этим солнечным *Do* укрепляется и углубляется реминисценция из «Лазаревых лестниц»; ср. «До-ми-соль. Дом и соль. Ми. Ми. До?» или: «Блаженно тонет светило/(...) белит запись радужных арий».) Помимо прочего, есть и еще одна причина, по которой здесь было необходимо привнести столько энергии, дабы воплотить кругообразно-спиральное течение поэтической реки, поэмы, представляющейся нам своеобразной духовной проекцией Дуная: должно прочувствовать ту силу, которая превратит весть о *конце* дня, звучащую именно в финале поэмы, в весть о *начале* дня нового, скрытую в той тишине после

пения, в которой пение не прекращается (обратим внимание: в конце поэмы нет точки, как нет её почти ни в одном стихотворении).

Этим своеобразным манером, этим поэтическим возношением, этой гигантской солнечной точкой двойного завета, излучающей и вновь собирающей в себе световые лучи, и, соответственно, тоном *До*, возвещающим конец/начало (тональной гаммы-лестницы, нового дня = Нового Иерусалима), увенчивает Вера Хорват свой замысел и свою песнь – тем самым не только наследуя традиции, представленной прежде всего «Песнями у Вира» Миодрага Павловича*** и «совсем новым словом» Марины Цветаевой, но и отталкиваясь от этого наследия, дабы вступить в совершенно новый, самобытный поэтический мир. И как часть слова, слог, и как значимое слово, символизирующее некую пограничную, переломную точку, *До* возникает здесь из мысли о первичном круговом течении земного времени и в целом о космических циклах, которыми неизбежно определено человеческое бытие. Но это *До* не ощущалось бы так, если бы не явилось в облике «бронзового гонга солнца», если бы не было ему дано *звучать* в «симфонии февраля» (прямо как со страниц партитуры – «белой записи радужных арий») – из самой сердцевины расшумевшегося февраля и на самой черте горизонта, разделяющей и связующей черте между землёй (Дунайской водой) и небом, словно с нотного стана («...И рождается адажио/ и разражается tutti:/ воздушный орган/ челеста подкровельных слаженных/ ледяных самоцветов – и даже/ ксилофоны санок// А напоследок/ солнца бронзовый гонг...»).

Таким образом, хронологическая линия от культуры до нынешнего дня, протянувшаяся через

песнь поэта, в культурно-историческом плане несомненно отражает текучесть (времени, воды), а в плане идейном – неизменную внутреннюю сущность и движения, и покоя: с чего начато, тем и «запечатано». Эту сущность, своего рода матрицу, символизируют и «сефирот», и диски из Феста и Агия Триады (плоскость человеческого, обращённая к божественному), и февральский закат над водой с диском-солцем (как обращением божественного к человеку).

Уже стихи о Лепенцах, на первый взгляд, кажутся однородными, будто всплески удивительной языковой звукоподражательной игры, – однако и они нагружены неким ещё не осознанным праподтекстом, которым изнутри освещена жизнь камня – будь то валун, обкатанный водой и временем, или дожившие до нас древние скульптуры. Благодаря языку, вдохновлённому самими дунайскими водами и от них научившемуся предаваться свободной игре, воскресают здесь и мифические начала, и нынешние отголоски мифического сознания, и та вечная связь, что искони сочетает в мире неизбежный удел материи с могучим триумфом духа.

Камню в «Дунайских таблицах» отведена сложная роль. В одной смысловой плоскости он является хранителем знания о божественном происхождении, благодаря памяти – этому самооглядыванию, самовопрошанию падшего, раздробленного, растрескавшегося камня, который не утрачивает своей внутренней связи с пра-громадой, целостной жизнью камня-предка. Но даже когда он назван «слезой безгласной/ что на лету застыла», когда он уже выпал из игры, из хоровода-кола, из круга, лишён обрядовой силы вести разговор с небом, выброшен из воды-люльки, – он не теряет памяти-утешения, т.е. знания о том, что *goré* – небо, божественная область, а *dolu* –

водные, праматеринские глубины, которые и дают ему способность узреть самого себя, сызнова открыть в себе мир, увидеть в себе *сакральный свет* («Спи же дале/ Сасро-/ вен» – стихотворение «Когда вокруг сушь»). На более высоком уровне это знание становится деятельным: как явствует из стихотворения «Каменная кафизма», падение с небес не фатально, ибо и в падшем состоянии камень продолжает (храмовое) служение, взыска смысла, красоты, цели, а равно и собственного возрастания. В другой плоскости мы видим, как камень восстаёт благодаря искусной лепенской шлифовке, которая претворяет исконную боль в исцеление и тем обеспечивает преодоление времени. И века спустя это восстание камня продолжается: из строительного материала для крепости, для града земного, Смедерево, он превращается в камень синайский, вмурованный в стены Девича, нашего средневекового монастыря, откуда вновь возносится светом к обетованному горнему бытию: там он – камень-птица («крылатая яшма»), самоцвет – хризопраз и сапфир новозаветного Небесного Града.

Метаморфозы, показанные на примере камня, казалось бы, самого твёрдого и прочного материала, менее всего подверженного переменам, содержат в себе поучение – для нас и *о нас*. В стихотворении «Шлифовальня Вира» подразумевается, что шлифовка камней, на первый взгляд, явление чисто внешнее, на самом деле есть тончайший внутренний процесс: путь к прозрачности, в которой познаётся священное происхождение жизни, путь, ведущий не только вглубь себя, но и в сердцевину всего бытия. Камень, в особенности тот, что уподоблен рыбе, постигает самооткровение жизни в себе; так же и мы – словно камень, который раскрывается, обнажается, предчувствуя весть о драгоценной жизни

в любви (камень дорог, ибо люб, вновь возлюблен по прошествии времён).

Своеобразный прототип этой любви мы видим в стихотворении «Бабакай». Открывающее его живое, непосредственное, обращение к торчащей из воды скале, камню, издревле прозванному Бабакаем, словно по-детски слегка поддразнивающее, вскоре оборачивается глубочайшим вопрошанием, в котором сопоставляются временные и космогонические вертикали-горизонталы. Три кратких штриха – и перед нами: тектонический «разрез» причинно-следственного космогонического основания, три агрегатных состояния, воссоздание и собирание большой притчи в «малом», но всеохватном образе. С удивительной лёгкостью выводится на первый план сущностная тема: отношение камень – вода как любовное отношение. В красивом развитии этой мысли-темы создаётся своеобразная сербская версия лермонтовской мини-драмы об утёсе и тучке, только тучка здесь становится водой; на дольном, земном уровне притча по-новому оживает, со всей неизбежной тяжестью, которую катят валы могучей реки, со всей колдовской силой дунайских вод (*он*, камень, и здесь – застывший пленник, а *она*, вода, свободна и подвижна). Мы видим здесь и характерную авторскую игру с языком: при помощи маленького приёма – прописной буквы *О* в слове *вОда* – открывается дополнительное бытийное значение этого слова: в образе воды подразумевается отныне и ода, хвала, возносимая песнью, восхищение, любовь. Анализ этой песни-оды о Камне, которая на первый взгляд кажется плачем, а на деле вновь являет собой гимн воде, можно было бы начать с последних четырёх стихов. «Родословная» Бабакая, от воспоминаний о магме и вселенском пожаре до персонафицированной

«дочери-мглы», словно бы и написана ради того, чтобы сказать (якобы мимоходом) о вселенской боли: «От боли не вырастут крылья!» Боль покинутости, лермонтовской осуждённости на вращение в землю, – и вдруг здесь, посреди такого могучего движения! Движения той самой «тучки золотой», которая отяжелела до того, что утратила все свои «воздушные» атрибуты: в оригинале стихотворения она *кипит, беснуется, напирает*.

Вода и здесь – предмет любви; но своей любовью она и хранит, поддерживая песню, и разрушает: подломленная грудь камня – немогущая плотина, а брошенность этого «древнего дива», «судна без морехода», севшего на мель, напоминает о лермонтовском утёсе сего влажной морщиной. Всякая прочная точка опоры, найденная в традиции, есть одновременно и точка, из которой, как из семени, прорастает новизна. Такую новизну мы открываем в этом стихотворении посредством ещё одного типичного для Веры Хорват каламбура, выделенного курсивом. Из сербского слова *онда* («тогда», «некогда»), отсылающего к праисторическому началу любовных отношений меж камнем и водой, в следующем же стихе рождается новое имя воды – *Ондина* (Ундина): теперь она – мифическое существо, (германско-скандинавская) русалка, дарующая чары любви, которые зачастую приводят к смерти (в переводе здесь найдена другая игра слов: к имени Ондина приводит слово «одна»). Если Ундина (от лат. *unda* – волна) и плывёт, и летит, тогда благодаря переименованию воды в Ондину-Ундину стих «От боли не вырастут крылья!» разрастается новыми смыслами. Уже первые ветви значений отсылают к утверждению о единстве трагического и прекрасного в любви: боль всё же даёт крылья, но не тому, кто страдает, а прежде всего той, из-

за кого он страдает, и уже после этого, опосредованно – ему самому... Тем более впечатляет заключительный образ, завершающее сравнение камня с ножом: «но как нож ты остёр/ в венах отверстых дня...» Что это: месть отвергнутого любовника, взрезающего земную вену-реку, или та самая первобытная причина, златое прорезывание неуголённой жизни, рассечённой надвое вечной любви, на которой стоит свет? И то, и другое, и – неизбежно – третье: возвращение в исходную тональность, с её детской интонацией и искренностью, присущей чистой душе: «камень/ камень/ камень/ как ты похож на меня». В этом завершающем витке любви мы видим не только личное, живое поэтическое приношение (с которого нужно было бы начать новый разговор о человеческой судьбе, с новой точки зрения вглядываясь и включаясь в повесть Веры Хорват о камне, рассказанную в цикле о Лепенском Вире), но и «надповесть» (по Хлебникову) о (терпеливом) приятии и объятии мира через любовь как самое действенное начало.

Точку, из которой становится очевидно (словно на пунктирной линии, отмечающей виртуальный «спинной мозг» поэмы!), что такая любовь воистину является сердцевиной, мы находим в стихотворении «Литография», одном из ключевых для понимания «графологии» того поэтического рукописания, которым выписаны «Дунайские таблицы». Взятые эпиграфом слова св. Игнатия Богоносца («Я пшеница Божия: пусть измелют меня зубы диких зверей, чтоб я сделался чистым хлебом Христовым...») поэт развивает, обнаруживая сущностный смысл святости: готовность заплатить высшую цену за идеал чистоты, знание о боли терпения и высшей цели священной любви. Ныне это редкость: воспоминанием о Жертве постичь самопожертвование до самоуничтожения, в

святости и любви, с сознанием того, что лишь через боль и терпение средь апокалиптического мрака просияет та глубочайшая *память*, которая есть условие самопознания, существования и сохранения себя («Вспомнили: слово из той же были/ Местом из той же песни были/ Мы ли?»).

Не только плод любви к миру, но и плод такой *священной любви* являют собой «Дунайские таблицы». Плод, который, с одной стороны, сокровенно вызревал долгие годы, пока скрещивались, впитывались, органически сплавливались и, подобно горным породам, откладывались громадные наслоения знаний о народах, в восхищении их искусством; с другой же стороны – плод глубоко поэтического порыва, давшего выход этому восхищению и этой любви. И вот, перед нами – воистину счастливое сочетание вдохновения и эрудиции, интуиции и языковой изобретательности, которое объединяет тщательно отобранные автором мотивы, темы и образы в поэтически убедительное целое, исполненное исключительной выразительной силы.

* «Лазарева лестница» – книга стихов Златы Коцић (см.: *Злата Коцић. Лазарева лестница*. Београд: Гутенбергова галаксија, 2003.)

** См.: *Злата Коцић. Мелод на води*. Београд: Завод за уџбенике, 2008.

*** См.: *Миодраг Павловић. Певања на Виру*. Београд: Слово љубве, 1977.

Перевёл с сербского Олег Комков

ЛЕПЕНЦЫ
ЛЕПЕНЦИ

В начале

В начале
слово было
песней
Когда обрёл
первородство мир
из вышней книги
в виде голубине
слетели гласы
словесных лир
Медно-янтарны
вишнёво-сини
водно-лазурны
злато-коровы
слова осыпали
словно иней
наши гробницы
глухие главы

Тайное слово
как луч
по льдине
сквозь омрак сна
в зенице яви
резцом сотворило
нам
людские лица
в венки вплетая
речные травы –
и разлетелись
хищные птицы
*Очнуло очи
очеловечило*

У почетку

У почетку
речи су биле
песме
Првородном
прстенован је свет
а потом с књиге
голубиње
ниспослат беше
словесни слет
Меднојантарне
вишњевосиње
сунчанозлатне
воденоплаве
речи су падале
као иње
на наше земунице
на глуве главе

Тајинско слово
што зрак
протиње
кроз опну сна
у зену јаве
изрезбарило
нам је
људско лице
скинуло венце
од речне траве
и растерало
грабљивице
Очнуло очи
очеловечило

уста уснувшие
разговорило
Горла и груди
души и думы
дивное слово
отворило

Всё это было
под сенью бденья –
лебедя-духа
над бездной текучей
плыли над мглою
испаренья
ириса
мирта
скрытых созвучий...

Всё это было
в день тот исконный –
небесной иконы
не застила рама
Стояли по кругу
горы-колонны –
купол держали
безмерного храма

Всё это было
в пору исхода
чудищ морских
к заводи пресной –
в дни когда песни
были словами
а слово –
песней

у сну нам усне
разговорило
Прса и прсте
грло и грсти
све нам је слово
отворило

Све се то збило
у доба бдења –
лебдења духа
над вировима
у доба тмастих
испарења
ириса
мирти
скривених рима...

Све се то збило
у дан искони –
небеској икони
не беше рама
Застале у кругу
планине – ступови
да приме куполу
безмерног храма

Све се десило
у доба сеоба
морских моруна
у воде пресне –
онда кад песме
биле су речи
а речи –
песме

Если изменишь
точку иль *йод**
утратишь
в оттиске
слова след
войти не сможешь
в круг сефирот –
где в каждой сфере
восстаёт
лежащий камень
однажды в жизни
восставь же ныне
букв извод –
и в гранях
камня
взыграет
свет

**Йод – буква еврейского алфавита.*

Ако промениш
ноту ил јоту
у тискању
изгубиш
слова траг
нећеш се наћи
у с'фироту –
круту где једном
у животу
лежећи камен
усправи се
усправни пређе
у литоту
а станац
постане
камен
драг

Зазыванье

Под водою под водою
Над водою над водою
По́д воду под во́ду
На́ воду на во́ду

За водою за водою
На́ воду на во́ду
По во́ду по́ воду
На во́дунáводу

Предок-рыба
Миловица
Солнцев сын
тебя изволит
да сам
тебя изловит

мрежью златою
тебя накроет
да бурунами
белорунными

Рыба
непомерна
плавники что плавни
жабры что твердыни
чешуя что волны
ветер веет-верещит
ветер чешую лущит
вьётся хладью

Зазивање

Низ воду низ воду
На воду на воду
Уз воду уз воду
На воду на воду

У воду у воду
На воду *на воду*
Из воде из воде
На *водунаводу*

Рибо древна
Миљенице
Сунчевића
 час воли
што те
 час лови

златним мрежама
час препокрива
поплунима
белорунима

Рибо
неизмерна
са перајима ада
са шкргама тврђава
са таласима крљушти
кошава те јежи
кошава те љушти
хлади ти

в Котловище*
Вихрем –
Вир

Под ним
каменна
 печать
Ан некому
 прочитать
Иди найди
пойду найду
пой-ду-най-ду

Да некому углядеть
как в твоём прозорном
 чреве
месяц светит молод
месяц сеет молодь
как
Леванту
возливанье
ты готовишь
и плывешь плеща хвостом
по Евксину-морю
Рыба-песня
Рыба пресна
В соль нырнувши
 ос-
 вещаешь-
 ся

**Казан («котёл, котловище») – традиционное сербское название наиболее тесного участка Железных Ворот (Джердапской теснины) – сужения в долине Дуная на границе Сербии и Румынии, где течение особенно бурно.*

Казан
У њему
Вир

Под њим
камење –

печати

Еј нема ко

да чти

Иди найди
пойду найду
пој-ду-нај-ду

Нема ко да бди
док у прозирном ти
трбуху

месец сија млад
месец сеје млађ
док

Леванту
леваницу
спремаш
и пљешћеш репом
по *Pontus Euxini*

Рибо песмо

Рибо пресна

У со уроњена

ос-

већујеш

се

Дунай играет в камешки у Вира

Стань менгир
 стань дольмен
камень мирен
 камень нем
таин омен
 таи *потен*
не узнаю
 тайн о нем

Дунав се игра пиљака на Виру

Камен менхир
 камен долмен
камен немир
 камен омен
нема риме
 немар име
колену што
 не мари ме

Починная песнь

Камни разве были здесь?

Разве сбылись?

Разбились?

Раз были!

Глухо по полю распались

В землю по пояс вкопались

да рыдая

тьму разрыли

путь слезам

разбороздили

Начелна песан

Камење зар било је ?
Зар збило се?
Разбило?
Раз било!

Потом тмуло попало
До паса укопало
да изрида
избразда
пут сузи
образом

Считалка на выход незванных из игры

*Раздва*три*четыре*пя*ть*
камни падают опять
*шесть*семь*восемь*девя*ть*деся*ть*
то ли светит летний месяц
то ли сыплются на горы
словно дождик метеоры
*десять*девя*ть*восемь*семь*
камень был один совсем
эни бени
камень цел
предок твой
окаменел

Предразбрајалица за испадање незваних из игре

Једандватричетрипет
какав беше камни слет
седамосамдеветдесет
је ли био летњи месец
је ли била касна ора
кад је киша метеора
десетдеветосамседам
можда беше камен један
ен ден
ил камен
или предак
скамењен

Каменная кафизма

Первенцы
Другенцы
Сели на каменце
Ладятся
лепенцы*
Лепятся
каменцы:
кам-мешки
да сеянцы
КаМенгиры
там и тут
(подрастут
подрастут)

Рыбооки
рыбобоки
плачут немо
плачут глухо
есть уста –
да нету уха

*Лепенцы - условное название народа, жившего на территории Лепенского Вира ок. 9000 лет назад. Здесь: антропоморфные каменные фигурки, найденные при раскопках Лепенской культуры.

Камена катизма

Енци
Менци
На каменци
Ту се брусе
леп-лепенци
Леп-каменци
кам-лепенци:
кам-махуне
па семенца
КаМенхири
патуљасти
(ал ће расти
ал ће расти)

Рибооки
рибобоки
уплакани
глухонеми
уста плачу –
уха нема

Где же ваши люльки
камни-крохотульки?

*Воды – ваши люльки
камни-крохотульки –
катят письма-вальки
крутят свитки велики*

Какве ли су љуљке
за камен-патуљке?

*Водене су љуљке
за камен патуљке –
са записом туљке
посланства смотуљке*

Чешуя-то у камня
 слизлая
Чтица смутного знамения
 слёзная
Как заплакал ты мой камень?
Иль слеза упала с неба
грудь рассекши словно пламень?
Кто вкусил
 от камня-хлеба?

Что рыдаешь сквозь эоны –
у Златых ли слышно врат –
стылы члены
 немы стоны –
слепо смотришь – Солнцев брат?
Что скорбишь? Молчит Создатель
отлучив
 тебя от дома?

Вросший в землю знаменатель
древней дробы окоёма
а горé парят крылаты –
яшма хризопраз
 сапфир

Ты – внизу
Уста разлаты
выпал золотой статир
ЗаРодился
 младоСтарец!

Краљушт твоја камена
 служна је
Чтица нејасног знамена
 сузна је
Кад си камене проплакао?
Ко је ти сузу зачео
њоме ти груд растакао
тебе
 камен-хлеб начео?

Што кроз еоне јецаш –
чују ли Златна врата –
нем ридаш
 безног клецаш
слеп зуриш у Сунце-брата?
Што грцаш? Тражиш обитељ
све даљу
 без одклика?

Тешки си именитељ
у разломку видика
а крилати горе су
и јаспис и хрисопрас
и сафир

Ти – доле
Расут је запис
из уста испао статир
ПоНоворођени
старМлади!

Отняты сосцы вы́соки
а с небес – из мглистых стариц –
льются млечные потоки
ты плачешь
гладножадно
жильножальножадно
как прежде безнадежно
и страдно
 страдно
 страдно
О плачь – слезой безгласной
что на лету застыла –
пусть внемлют
 воплъ напрасный
 твой
кружащие светила

Груд ти се отргла нагло
а с неба гле како млази
млечни пут својом маглом
ти плачеш
гладножедно
жудножељножално
ко и сви безнадежно
и стално

стално

стално

Плачи – јер сам си суза
скамењена у лету
и вапи

нек и уза-

луд

сунчевом колоплету

**Когда камню тяжело
и он не может двинуться с места**

Коло-каменно-кормило
дар из пламенна горнила
солнце лик тебе гранило
знаменуя диво мило
небо плечи бременило
млеком облачным кормило
ото всех ветров хранило
Рана
 чрево расщемила
в век соломенный склонила

**Кад је камену тешко
и не може да се помери с места**

Коло камено камено
било си шарно пламено
сунце ти било знаменом
било си диво-стамено
свод упирало раменом
млеком облака храњено
од свих ветрова брањено
Онда си
 с нутрином рањеном
пало у доба сламено

Когда вокруг сушь

Эн

бен

Мал дольмен
Хвосторотый –
Затворен!

На безводьи
погребен?
Плач – улыбка
вечность – плен!

Тки сурово
ткань покрова!
Бредит бурей
стыло слово
Воды

пусть
омоют
снова
серый кокон
полный зова

Жди же дале
Насутулен
Спи же дале
Sacro-

вен
весь окуклен
весь утулен
вне времен
до времен

Кад је суша

Ен

мен

У камен

Реп у уста –

Заливен!

У безвође

заривен?

Плач у осмех

век у трен!

У чауру!

У ауру!

Мотри уру

мами буру

Влагу

дажд

Бар капљу

штуру

Да омије

опну суру

Чекај тако

Закукуљен

Лежи тако

Sacri-

вен

вас утрнут

вас утуљен

ванвремен

безвремен

Считалка на оукливание

Нем
Камень
На безводьи
Рыбоуподоблен лежишь
Твердыню дробишь
Сердцевину долбишь
Да какую же нить
Шелкокаменну
Размотал
Из средогрудья
Пространнейшего?

Разбрајалица за учауравање

Како
Камене
Сред суше
Рибоуподобљујући се
Дубиш нутрину
Дробиш тврдину
И какву то нит
Свилокамену
Одмотаваш
Из средогруђа
Све пространијег?

Шлифовальня Вира

Мне или
мною
мнутся каменья?
Все мы опилки
пылки
Кто-то
точит нам рёбра
кто-то – жабры

Тягостно петъ
на дне
На ладони

Перебирай
Шлифуй
Разве
боками
мы не встречаем
самих себя –
други-каменья?
Тоньше кокон
тоньше!
О видишь ли что
сквозь меня?

Такова-то доля каменна –
в глубине твоей граниму быть:

Глачање у виру

Мене или
мноме
ово камење?
Сви смо опиљци
пиљци
Неко је
опипао ребра
неко шкрге

Мука је певати
на дну
На длану

Пребирај
Глачај
Зар да боле
бокови
места где
сусрећемо друге
а себе саме?
Тањи опну
тањи!
О видиш ли шта
кроза ме?

А ово је задатост камена
у кориту твоме за глачање:

Размахнётся ль – в тесноте
Осолится ль – в пресноте
Разрешится ли – овит
Запоёт ли (горловит?!)
И восхищенный рекою
да встретится с рукою
что гладит
гранит
градит
град крепок
во граде стан
на коем камень – капля света
Знаменник Узнан Зван

Да рашири руке – у тесном
Да осоли се – у пресном
Да развеже се – овит
Да запева (гласовит?!)
И да узлети суком
Да сусретне се с руком
 што глача
 глади
 гради
 град стамен
 у њему стан
у коме камен је кап светла
Зналац Узваник Знан

Лепенское коло

Влага солнечна струится
Плачут в небе три девицы
Вот слеза на дно скатилась
да яичком обратилась

Кружит коло виром взвито
Меж камней яичко скрыто
среброковно златошито
в неживом краю обжито
меж лежащих стоя врыто
тайной силой плодовито
В нём от века слово свито
прасловесно духовито
слово радугой овито
(не прочитано – забыто!)
Зреют в нём вино и жито
блещет башня к небу взмыта
в башне чадо родовито
внемлет чуду даровито

Найди его
найди его
в том яичке
волшебство
Навью
навью
Явью
явью
Вот яичко
каково:

Лепенско коло

Текле воде текунчице
То плакале три сунчице
Једној суза најтежа је
На дно паде и би јаје

Врти коло вировито
Међ камењем јаје скрито
среброковно златошито
међ неживим живовито
међ лежећим окомито
свем што расте жиловито
У њему је слово свито
прасловесно вековито
слово дугом обавито
(нико га још није чито!)
У њему је вино жито
град са кулом узноситом
јунак-момче виловито
и момиче чило вито

Нађи јаје
нађи јаје
не говори
мађија је
Није
није
Да је
да је
не би такво
било јаје:

засверкал волчок средь вира –
то хрустальный стержень мира

Злат петух
над ним сидит
да хохол-то свой румяный
не клонит к Дунаю
А курочка рябая
наседка высидная
ищет бисер
квохчет в ночь
люту мокошь гонит прочь:
окошьмокошьчернакокошь
кышшшшшшшшшшшшшшшш!

биљур чигра усред вира
оса – стржањ од свемира

Петао златни
на њега мотри
све док му креста румена
у Дунаво не клоне
Тад квочка пиргава
по пологу полегне
ракољи се
бисер кљује
мокош љуту одмамљује:
окошмокошцрнакокош
и-и-и-ииииииииииии!

Вучедол*

Гнездо

Где волчье имя
там облако – вымя
скулят слепые волчата
Кусают сосцы
насытятся
 мальцы
руном шелковистым объаты

Где млеет белым
там пышет рудым –
широк Дунайский разлив
а копь переполнен – вольётся
в шелест волнистых нив

Текло молоко тепло и легко
питая завязи крыл
а кровь ключа журчит горяча
из взбухших желёз и жил

И влечёт горé
да к волчьей горе
где светом
 свято истаёт

и к дольней доле
*доледодоле***
где забытьё обитает
Облаком волчьим
жертва возлита –
поклоненья-закланья:

Вучедол

Гнездо

Ту сваки вук цимне
по облак за виме
док још је слеп и цвили
После их гризу
сити

ал близу
даве се у руњавој свили

Док млази бело
шикља и рудо
Све се у Дунав слива
а што преврши излије се
преко шапи и њива

Млеко је млако меко и лако
од њега ничу крила
али крв кључа врућа и љућа
напиње жлезде и била

И вуче горе
у вучје горје
и више

све то сави

и вуче доле
додоледоле
где заборав борави
И вукоблачна
жртва се лева –
клањања и заклања:

крвари
доји

Ко да раздвоји
имање од немања?

Вучедолска голубица

Зато јер ти је врат пререзан
што су ти глинене крила
не можеш да узлетиш
одеш
остајеш ту где си и била
од прапостанка:

глава ти беше златна
крила сребрна и танка
а траг ножица – писмо
око кога се окуписмо
да читамо

још ложимо ломаче
ловимо рибе дунавске
и себе саме

Још стављамо
скидамо
заменеујемо и отимамо
маске

И уже устав от игры
не признали до сей поры
что грамоты
не знаем

*Вучедол (букв.: «волчья долина») - место археологических раскопок, расположенное на берегу Дуная, в 5 км южнее по течению от Вуковара. Вучедольская культура является одним из самых важных свидетельств эпохи энеолита. Основные находки датируются 3000-2600 гг. до н. э.; наиболее известен керамический сосуд в виде птицы, получивший название «Вучедольской голубки».

**Додола – у балканских народов весенне-летний обряд вызывания дождя, а также центральный персонаж этого обряда.

Већ се и уморисмо
а признали нисмо
да читати
не знамо

МИНОИКА

Фестский диск

Снебаласточкислетите
кнамсдунаядолетите
Чьи-то лица все скуласты?
То явились вам пеласты
да пеластова печать
да чтецы чтоб величать
да ещё жрецы-провидцы
да сновидицы-девицы:
небооки солнцекосы
носят вам покорно просо

Выше ласточки вспорхните
В небе лепень-круг сомкните
Устье-ключ нам сохраните:
Слово-диво Слово живо
Солнцелико Околиво
О колик О!

Диск из Фајста

Ластепроласте
садунавадоласте
Кога сте нам довели?
Довеле смо пеласте
и пелашке печате
и чтеце им да чате
и жреце што левају
и деве што сневају:
небооке сунцокосе
питомо вам просо носе

Ластавице наставите
Лепен-колут направите
Извор-увир саставите:
Слово чудно Слово будно
Сунцолико Околико
О колико О!

Диск из Агия Триады*

1.

*Семь восемь
девять десять
отче солнце
мати месяц
Агнец кудри
златы свесит
зрачны пальцы
глину месят
От круженья
весь взыграв
был с водою
венчан прах –
Правь*

2.

*Облак рыжий
кучеряв
Солнце вплыло
в синий сплав
Лаву студит
вал кудряв
Лев двуногий
бдит восстав
Взмыл
дельфин
по небу
вплавь –
Явь*

Диск из Агија Тријаде

1.

*Седам осам
девет десет
отац сунце
мајка месец
Јагње с руна
злато тресе
зрачни прсти
глину месе
Око витла
сав сјактав
венчава се
с водом прах –
Прав*

2.

*Облак рујан
руњав сав
Зраци – весла
сунце – сплав
Лаву хлади
вал кудрав
Лав двоноги
има став
Небу
с мора
делфин
плав –
Јав*

3.
Солнце гложет
змей треглав
Мечет громы
мрак раздрав!
Сохлых веток
свод коряв
сплёлся тьмою
плод обьяв
Плод созреет
весь костляв
а на ветви
шшш!
удав –
Навь

*Агиа Триада (греч. “Святая Троица”) – место археологических раскопок на юге Крита, где были найдены многочисленные артефакты минойской цивилизации.

3.
Сунце гута
змај троглав
Гром мрак пара
муња – шав!
Сувих грана
сплет квргав
тмуша плоду
мрк оглав
Плод дозрева
коштуњав
а о грани
ишии!
удав –
Нав

Инталия* с шествием вакханок

Элем-белем белена
зелена ли пелена
бурнобела пенапела
и кикики
и кикуту
и гри гри гри
из гли гли гли
из гро хо хо
и с тла тла тла

Гряды горькие гривасты
Чёрны травы головасты
режь серпом – снопы шипасты!
Ишь горласты –
кыш пеласты
ждут вас родичи клюасты!

Беленою бел бел бел
пеленою чёрн чёрн чёрн
отряхни-ка с тел тел тел
чёрну пену в тёрн тёрн тёрн

*Инталия – гемма с вогнутым изображением.

Инталија са поворком бакханткиња

Елем белем пелен берем
елем зелен нелеп пелен
бунибелен пенипелен
и кикики

и кукуту
и гљи гљи гљи
из гли гли гли
из гро хо хо
и с тла тла тла

Гором горко грмље расте
Чарне траве тестерасте
српићем их – нек се пласте!
Иште ласте
иш пеласте
вратите се откуда сте!

Белен бол је бел бел бел
пелен бол је црн црн црн
овамоте дел дел дел
чарну пену на трн трн

Барельеф – шествие кор*

О минойцы
свиллы у вас даровитые
вечно парами овитые
что выются из пор – ядовитые –
где серной мглою повитые
бездны бурлят басовитые

О минойцы
топчите расщелины горные
засыпьте ноздри бесам
безднам
гасите газы снотворные
глушите гласы притворные
Сивилла – вилась
и ты – о Пифия –
пред лаем лавы
и ложным знаньем
лежишь без сознания

Хор кор
скорби
покорных
пусть тоскует

Хор горлиц
горних нетронутых
пусть воркует

Уступим я-
сновиденье
девицам-пеласгам

Барельеф – поворка кора

О минојци
сибиле вазда вам повите
вазда у магле овите
што вију из магме ровите
из бездне сумпоровите
слушају сопоте скровите

О минојци
топћите земне проломе
заспите ноздрве бесне
бездне
гасите гасове омамне
гуштите гласове помамне
Сибила – била си
и ти Питијо
пред лавезом лаве
и лажним обзнанама
обезнањена лежиш

Хор кора
кораком
покорним
нек устукне

Хор грлица
негрљених
нека гукне

Уступимо ја-
сновиђења
девицама пелашким

плескам
блескам
ласкам
и пене

Воспойте
дунайские девы
Анадио-
мене!

Тек елей – ключи-криницы
У парильни леденицы
сини косы-плетеницы
сыну Солнца – оленицы
морю – милицы-родницы
притекли из милой дали
да глазам прозренье дали

Сёстры-сестреньки-сестрицы
чёлн разбился на буруне
Растряслись мы – осетрицы –
по сухой песчаной дюне
Не пытай узор завитый
на руне или на руне
А читай удел забытый
что не сгнил
не канул втуне

*Коры (др.-греч. κόρη, κόρα – девушка) – античные скульптурные изображения девических фигур, обнаруженные во многих святилищах Греции.

плахим
лаким
лакшим
од пене

Попојте
деве дунавске
Анадио-
мене!

Текле вазда лепенице
У пару се леденице
сиње дуге плетенице
сунчевићу љељенице
валу морском миљенице
и нама сте омилеле
наше очи провиделе

Сестре ми сеје сестрице
насукаше нам се чуни
Истресене смо јесетрице
на сувој пепчаној дуни
Не питајмо урес замршен
на руну или на руни
Читајмо удес завршен
што се не лиња
не круни

Барельеф II

Сивиллы даровитые
вечно парами овитые
и грохоты басовитые
гласом небес возомнившие
пред чёрным солнцем склонившие
чёрные выи огнивые

Чужеземки
 вещие девы
внемлите
 громов распевы
узрите
 молний рассевы
что зыблют ущелий
 зевы

подоблачные красодневы:

бегите от праведна гнева
 гадалки
 вещие девы!

Голуби
 зобайте чечевицу!

Галки
 клюйте печень-трясовицу!

Святовиту взмолимся
 юницы

Всех-то видом удивим
 сестрицы

Барељеф II

Сибиле вазда повите
вазда у магле овите
што грохоте страховите
за глас небески сматрате
и црном сунцу се клањате
црнога жара ватрарке

Туђинке
 деве веште
чујте
 громови треште
гледајте
 муње блеште
кланци се ломе
 кљеште

подоблачнице креште:

од гнева праведног беж'те
 гаталке
 деве веште!

Голуби
 зобајте бобице!
Галеби
 разнесите јетрице!

Свевиду молимо се
 момице

Све видом удивимо
 сестрице

Два кувшина

Эльбрусская
трапеза
длится:
во главе
Солнце
Солнцевичи
Солнцева мать
Званец Первозванного
прабрат до брата
правнук внуков
прасват до свата
за столом праединым
се прах един
се дух един
се день един
злат ли
сребрян
медян

и всякий гость
позван
ранний
полуденный
поздний
Брат он свату
Сват Карпату
Род Родопу
Сын Синаю
Праправнук
Арарату

Две стомне

Елбруска
трпеца
дуга:
на челу
Сунчар
Сунчевићи
Сунчарева мајка
Узваник Првозваног
прабрат до брата
праунук унуков
прасват до свата
а столом прајединим
прах је један
дах је један
дан је један
златан ли
сребрн
мједан

и сваки гост је
позван
ран ли
подневан
позан
Брат је свату
Сват Карпату
Род Родоцу
Син Синају
Наврнунук
Арарату

Стела китарода

Зазивам од јутрос
песму златних свата
што памте врт и врата:
глаткост им чела и врата
неизрецива беше
дата пре дажда пре пада
пре патње и пре пута

И посребрених
 што сричу
изгон из завичаја
а знају само кроз причу
о јабучици што гута
– и никада до краја –
предплачем заливену
горчину залогаја
и крхот ребра у страсти
змијскога загрљаја
и палацање под непцем
уместо млечи речи
уместо гутљаја сјаја

Каменный пифос*

Изгои
страшные
изгои
древнего древа
согбенные!

О званники
бранные
самозванцы
соломенные
что вам
рёвы да зевы
гортанные
языков
переплясы
пламенные

Не грызитесь
вы клубней ради

Да у хрупких
прочных врат!

Не глодайте их
в этом граде
где над вами
высокий сват!

Гости тленные
гости потливые
ленные

Камени питар

Изгони
страшни
изгони
дуго и дуго
трпљених!

О узваници
крпени
иза званица
сламених
што су вам
рев и зев
грлени
а језик
поскок
пламени

Не кидишите
на кртоле

Да кртих
тврдиx вратова!

Не глођите их
ту доле
под спратом
високих сватова!

Гости пртени
гости претили
лени

Се пенные
виры кровавые

О вы
непробужденные
последние вы
но первые
в пьянстве
ястве
ячестве

Глыбы градом –
увы мне –
пусть дробятся
о выи
или пребудут
каменные:

над отчими
 главами
гложетесь

над корнем
из коего
множитесь!

*Пифос (др.-греч. πίθος) - большой керамический
сосуд с выпуклыми стенками для хранения про-
дуктов.

У пени –
врви од крви

О ви
непробуђени
последњи сте
а први
у пјанству
јеству
јаству

Груд тучем
јаох мени
нека се рони
и смрви
или нек се
скамени:

око предачке
главе се
гложите

око корена
из ког се
множите!

ФРАКИЙСКИЙ СЛЕД
ТРАЧКИ ТРАГ

Тайна

А как встретил он Эвридику
взыграло

 зело
 ребро
там где от века пусто

Но другое
 певучье
что звенит светлей
 чем серебро
свилось в тугие путы
 от страха...

Не *оно* ли стало гадюкой
на тонкокостном запястьи –
козыре Гименея
 что властью лёгкого взмаха
отдал нежную деву в жены

Не в груди ли твоей скрывался
 тайный корень вдовства
а змея лишь для мизансцены
подвернулась как и другие
 жуткие существа?!

Тајна

А кад је Евридику срео
заиграло је

веле
ребро
недостајуће од негда

Но оно друго

певачко
што зна да надциликане
сребро
свинуло се ко негва
у страху...

Није ли *то* прави поскок
на лептосомном глежњу –
адуту Хименеја за децу
нежну и плаху
док предавао је у жене

Не беше ли ти у недрима
узрок удовиштва
а змија тек део мизансцена
изнајмљена као и друга
чудовишта?!

Ублажение

Погляди моя Эвридика
на эти склонённые главы
Дрожат над бездною дико
Ни одна не избегнет расправы –
для тебя их все посеку я
Пуškai трепещут от страсти
Свяжу их и брошу трофеи
к стопам что белей алебаstra!
Не бойся! Сей бой восхитит
до небес пахучие
струи...

Скажи чем грезишь тоскуя
Что нежноперстым дланям
милее:
асфodelи? Ирис? Лилею
принести тебе? Или астры
вплетёшь в венок?

Ах – словно розы в стужу
дивные пряди лелею...

Сокройся – лепоока! –
в объятьях мужа!

Удварање

Гле ове главе Евридико
погнуте понад бездне
Неће ми умаћи нико
Ма неће бити ни једне
коју за тебе посекао не бих
Дрхтуре чежњиво
Свежимо их и плен сав
под сандале подастри!
Не бој се! Нек бој овај
обелодани мирис
до неба...

Реци шта ти треба
Шта желе нежнопрсте руке
с гривном:
асфодел? Ирис? Или крином
би да играју се? Од астри
венчић да плету?

Ах – пљусак ружа
по потиљку дивном...

Сакриј се лепоока!
Загри мужа!

Рождение созвездия Лиры

– Аполлон тебе отец
 а не ловец! –
Искренность матери –
 зов непокая:
– Струнами высеки искры!
Мост простри меж словес
пусть светил осеняет гнёзда

Над либидом-лебедью бди:
Лови – о взнузданный! – звёзды
 Млечной тропею

Веруй! Твори!
Зевсу на зависть
 Гере на горе
 К менадам
 взывают о мести...

Презри!
Взлети с плачем
 в груди
с тла фракийского
 сыне
во тьме и стыни
светочем вести

Настанак сазвежђа Лире

– Аполон отац ти
а не ловац! –
Мајчина искреност га
пренерази:
– Струнама избијај искре!
Мост простири између слова
под којим се светови гнезде

Над лабудом либида бди:
Зауздан – лови звезде
по Млечној стази

Јест! Те ствари
Зевсу завист
Хери зазубице
Менадама
освету маме...

Не мари!
Пошто поплачеш
узлебди
с тла трачког
сине
и сини
по мери таме

Арго

Улисс-то был не таков
Не из тех
кто без слов – в доспех
да с войском
против сирен...
Что если воском?
Воск!
Вот так решение!

Не слышишь
не знаешь
не меришь
Ширóко море
сколько в ущельях
ни плавай

Ясон – дело другое
Тот согнулся дугою
да зубами держал кормило
а руно – и левой
и правой:

Пусть попробует кто Орфея
превзойти в песнопеньи
славой!

Арго

Улис не би тако
Не би он
Онако склон
да с војском
на сирене...
Или пак воском?
Восак!
Какво решење!

Не чујеш
не знаш
не мариш
Широко ти море
и кад веслаш
у тесном

Јасон пак друго је
Дуго је тај
крму зубима држо
а руно и левом
и десном:

Ела Орфеју једну
па ко надгорња
песмом!

Менады

Мчались яро
яровицами
яругами
в яри тщетной окровавив
ноги

изможденны
наги
ранили дриад серпами
рассекая ветви по дороге
По подбородкам
как от изжоги
слизни-слиюни
ползут неуклюже
Орфей
не разбужен
от сонной стыни
удел свой предвидит втуне:
ежевечерне вершить
натужно
чин овдовевшего немужа

Чуден им заклятый миг
Не проснётся он для них
пусть от злой обиды
брежут

Бешеной самой Эриды
(зри – Медуза – страстотерпца!)

Менаде

Док јурцаху
 јарцима
 јаругама
јаросно махнитаху
 без наде

да сустану
 наге
успут секући грање
 рањавајући дријаде
У недра им се
 низ браде
салива слива
 као траг пужа
Орфеј
 опружен
 преснива
удес свој снова и снова:
чин сваковечерњи
 тужног
обудовљеног немужа

Оне чуде се за трен
Он не буди се јер њен
и заветован приде
 беше

Бешње од саме Ериде
(Медузи нагнаше трнце)

раскромсали тело
разодрали груди

Отрезвлённый гвалтом
сам Вакх
на такое взирая дело
лоб наморщил в досадном зуде:
– Глупые ревнивицы
ах
не оставили даже сердце
цело...
А что же скажут люди?

разудише му тело
рашчетворише груди

Виком отрежњен и
Вакх чак
под лозом набира чело
док се здосађен буди:
– Лудице преревносне
ах
не остависте ни срце
цело...
Па шта ће рећи *људи*?

Плоести*

Ты воспел его:

плоести

время нежной отавы

и вод высоких –

наводит паводки:

плаванья

месяц правый

О ту пору

в предвестьи лета

как нос без лодки

плыла на лету (не в Лету!)

глава твоя величаво

Зелены реки

зелены травы

а она плывёт

синеглаво

Лира уронена в рану

исплывает

кровава

Червонны струи

червонен облак

а глава плывёт

словно пава

Из Киконии

к лету и Криту:

Плоести

Опевао си га:

плоести

месец нежних отава

и високих вода –

повода поводњу:

пловидби

ора права

У такав час

прамалетни

као прамац без брода

низ воду лети (не Лети!)

бестелна твоја глава

Зелена река

зелена трава

а она плови

плава

Лира рањена рони

па исплива

крвава

Црвена струја

црвен облак

а глава плута

плава

Са Киконије

крећете Крети:

глава и лира
спаслись от расправы:

гарпии-вакханки
гидры-менады
 в смущеньи
да будут здоровы!

Плаванья час!
Пойте тихонько
антифон лироглавый

Плывите овиты –
амальгамою альги
вас обростает слава

*Плоести - согласно авторскому Глоссарию к “Дунайским таблицам”, древнее название весеннего месяца (примерно соответствовавшего концу апреля - началу мая), когда на море открывался сезон судоходства (предположительно от др.-греч. πλοῖον - корабль). Интересна также гипотеза Веры Хорват о том, что поблизости от нынешнего румынского города Плоешти в древности могло располагаться место зимовки, где суда дожидались возможности продолжить плавание к Чёрному морю; таким образом, этимология топонима Плоешти может оказаться более архаической, нежели принято считать.

пут далек
ал већ без страве:

харпије-вакхантке
хидре-менаде
збуњене
остајте здраве!

Пловидби час је!
Антифон тихи
певајте лиро и главо

Пловите овите –
амалгам алги
већ вас обраста славом

Леда

Бледна и лепа
хрустальной льда
янтарней мёда
молвить умела
слово премило:
с уст её капали речи
что нектар сладки

Но людям такие не любы:
до умных красавиц
лишь боги падки –
постояльцы у подсознания
изменчивого до измены!
Обломок Олимпа –
престол и простор
хлипкого царства.

Что же Зевсу осталось
 опричь притворства
тайновещанной ласки...
Ни обольстить беседой
ни явиться без маски
И принял облик облака:
в нём плоть лежит легка
да излуками мягка
*Ай любимая в тенёчке
ждёт меня издалека*

Леда

Лепа и бледа
биљурнија од леда
јантарнија од меда
веле да баш
љупко говораше:
са усана јој капао слог
као најслађе пиће

Али од умних лепојки
зазире и род људски
а неће митско биће –
подстанар подсвести
варљиве до издајства!
Олупина Олимпа
престо је и простор
нејаког му царства.

Шта дакле остаде Зевсу
до прерушавање
удварање закукуљично...
Не би да конвертира
ни да се појави лично
Стог узме облик облака
у који лако леже
свака облина мека
Ај ту ме драга
у присенку вазда чека

А Леда не лыком шита
ей сердце пронзили не стрелы –
бредит мыслию низкой

Знает что цель уж близко:
форму обрящет тело
меди литой превыше...

Делай достойно дело:
Гомер тебя опишет!

А Леда са своје стране
приста – не скољена стрелом
него замишљу подлом

Знала је: добиће модлу
да одлива јој тело
кад медно не буде више...

Шта све мораш да чиниш
да те Хомер опише!

ТАБЛИЦЫ ЧЕТЫРЁХ
МУДРЕЦОВ
ТАБЛИЦЕ ЧЕТИРИ
МУДРАЦА

Анахарсис

Большая и тихая
между нами Скифия

Страшная как стихия
дивная как *евтихия**

Персия или Скифия?
Скифия или Лидия?

Не та что лежит пресытая
паче – во рвах забытая

Не в вине испитая
паче – под рёбрами скрытая
сила дрожи
срывает венец

Одежда моя – сей плащ
обувь – ног моих кожа
приют мой – скифских женщин плач
что снится мне на жёстком ложе

я здесь гонец

Тебе – копье
да знамя
мне же – гибкий лук
Серебро гребёшь

Анахарсис

Велика и тиха је
међу нама Скитија

Страшна као стихија
дивна ко *евтихија*

Персија ил Скитија?
Скитија ил Лидија?

Не та што је ситија
пре – у ров сабитија

Не она напителија
пре – под ребром скритија
снага
односи венац

Одећа ми је овај плашт
обућа – кожа мојих ногу
лог – скитских жена плач
ни у сну га изгубити не могу

ја ти јемац

Теби – копља
чврстина
мени – гипки лук
Сребро бројиш

горстями
я – свободнорук

С тобой выюки
да кони
и гоплиты вкрут
а подо мной в погоне –
вольный ветер упруг

Глаголет
что горкочет
горличий твой гук
моё же горло горкло
щит мой – смолкший звук

Как выдохнешь уныло
сердца тяжкий стук
так песнь моя –
удило –
громом грянет вдруг

За счастьем-то
за счастьем –
да в далёкий луг
взмахни-ка там запястьем
нитьями овитым...

Коль по́милу не мило –
силой будешь друг
скифам неумытым
маститым

грстима
ја – слободорук

Имаш коње
бисаге
и хоплита пук
а ја биштем шипраге
јашем ветра хук

Кад говориш
гргољиш
грличин ти гук
моје грло грко је
а мој штит је – мук

Кад ти чујем удисај
тешки срцотук
тад ми песма –
удица
провали ко бук

Завешће те
завешће
дубоко у дуг
свезати ти запешће
танким нитима...

Ниси хтео милом –
силом бићеш друг
нама Скитима
маститыма

Здравствуй
досель незнакомый
сыне винных побережий
коих ныне достиг я
летая с Гамаюном

Пусть капля рубиновой крови
пребудет безмятежна
с тихой слезою скифа
и лирой семиструнной

Напьюсь за твоё здоровье
божественным винным соком
во всяком зерне – прозрение
а всякое гроздие – космос

Скажи Солон: чей покос мы
под этой лозою
 звездной
под вещим оком Селены
что вяще щита и мифа

Скажи Солон мне имя
виноградаря над
 бездной
не откажи в питаньи
впервые подпитому
 скифу

Здравствуј
доскора незнани
сине винских побережја
до кога ево стигох
летећи с Гамајуном

Нек кап рубинске крви
буде ти безметежна
праћена сузом Скита
и лиром седмоструном

Напијам у твоје здравље
божанским винским соком
у сваком зрну зрак је
а сваки грозд је космос

Реци Солоне ко смо
под лозом овом
звездном
под будним оком Селене
већим и од мог штита

Реци Солоне име
виноградара над
бездном
не одреци питању
први пут припитог
Скита

Зри грозди три
у винограда –
усладу

пьянство

и озлобленье

Беги последних
а первой отведай всласть
прежде тленья
и прежде хлада
что бороду обелит к утру

Три чаши есть на пиру
да не тронут четвёртой гости:
первая – для жажды
вторая – для веселья
третья – для дерзости
а в отлогах четвёртой
таится безумья спуд

Тут на мель садятся невежды
да свои оставляют кости
Тут моргнуть не успев даже эллин
рассудком впадает в блуд

А вот и другая троица
о коей суди без милости –
язык обуздай

чрево

и уд

Зри грозда три
у винограду –
наслада
 пијанство
 и омраза
Пази се потоњих
а први у сласт позовај
 пре мраза
и пре иња
што за ноћ забели браду

Три су чаше на пиру
а четвртом се не гости:
прва припада жеђи
друга весељу
трећа дрскости
али талог четврте
већ безумља је спруд

Насукане невјеже
ту често оставе кости
На њему чак и Хелен
док трепнеш постане луд

И још једноме тројству
суди без милости –
обуздај језик
 чрево
 и уд

Друга отличай
от лицемера:
друг очей не возводит горé
а недруга лесть – химера
тебе аукнется после
смехом
на агоре

Первый – бальзам
и коль речь сечёт
да громом гремит

Второй – головня:
того и гляди
подпечёт
или очернит

*Евтихия, евтихия (греч. εὐτυχία, εὐτυχία) –
счастье, успех, блаженство.

Разликуј пријатеља
од лицемера:
пријатељ у очи кори
а шта ти недруг смера
отпретаћеш тек потом
под смехом
на агори

Први је мелем
и кад реч сече
ко гром да грми

Други пак угарак је –
друкчије не зна
до да опече
или оцрни

Клеобул из Линда

Будь любослушлив
а не многословен
Будь духом игрив
путь заграждая зависти-
бестии
Лишь так одолеешь
– не надобен овен –
врата Гесперидовы с честью

Язык отточи
как лабрис
ладно выточи
вестию
да вернёшься с полемики
цел-невредим
под крыло своей Гестии

Правь
прежде ветра
пытая у птицы
куда стрела
угодит

Юношу
не гетера –
девица
любовью пусть
наградит

Клеобул из Линда

Буди љубослушљив
а не многослован
Завист зајази
а дух вазда игрив
 да ти је
Њиме ћеш пронићи
– не треба ти ован –
све хесперидске капије

Језик углачан
 као лабрис
али и углађен
 нек ти је
е да се с полемике
здрав-читав вратиш
у крило своје хестије

Кибернето
пре ветра
питај селице
куд да се прамац
 управи
Младићу
не од хетера –
 од девице
учи се вештини
 љубави

Чти свиток неба
денно и ночью
очами чада –
дивясь невинно

Дружбу води
с равным себе:
найдёшь помощника –
не господина

Впечатывай мысль
в таблицу:
воистину важно писанье!

Быть с жизнью
лицом к лицу
важней –
тренируй же
дыханье

Можно ли
удержаться от вздоха?
Кто пробовал
знает –
напрасен труд

Глоток лишь воздуха
на миг нам нужен
иначе –
прорвётся грудь

Читај лист неба
обдан и обноћ
очима детета –
не свезнадара

Удружуј се
са равним себи
да нађеш помоћ –
не господара

Утисни мисао
у таблицу:
важно је писање!

Бити с животом
лицем к лицу
више је –
стог вежбај
 дисање

Може ли се
задржати удах?
Ко покуша
зна и сам –
залуд је труд

И гутљај ваздуха
тек на трен наш је
иначе –
пући ће груди

Со счастьем
славой
сребром
так же:

тщетный труд –
что блуд –
безумцев путь

Са срећом
славом
сребром
исто је –

луд је
ко се узалуд
труди

Фалес из Милета

Душа счастливец раденью рада
чья польза для многих больше
чем радельца награда
Знает ли жажду источник?
Страждет ли плуг от глада?

Ум – как молнии естество
С ним цели достигнешь вмах
Но слепота постигнет того
кто держится лишь ума

Сердце снуло и слабо
но стóбит за ним пойти –
знает где скрыто благо
а назад не знает пути
Пускай на приступ не мчится
(свист плети страшен в ушах!)
Коль поспешить случится –
замедли поперву шаг

Сходи в себя неспоро:
ибо стремглав не дойдёшь
до истинного святилища
и вселенского строя
Лучше если ища
сперва ничего не найдёшь
опричь личинок страсти
и бабочек непокоя

Талес из Милета

Срећа је радовати се раду
што свима доноси више
но оном који ради
Зна ли извор за жеђ?
Пати ли плуг од глади?

Ум је брз као муња
Ободи га и стижеш умах
Ал често острижен куња
ко слепо држи се ума

Срце је споро и слабо
ал ти га увек прати –
зна где је скривено благо
а не зна да се врати
Не гони га у јуриш
(бич принуде је горак!)
Кад год некуда журиш
прво успори корак

Сиђи у себе полако:
стрмоглав спуст не води
право до светилишта
а ово – до свемира
Испрва често се згоди
да не пронађеш ништа
сем сувих личинки страсти
и лептира немира

Исток непокоя – незнание
а знание достойно жалости!
(Антитеза – только вниманье
проступающей тезе)
И чтоб не пришли чудовища
в гости глотать твои кости
держись неотступно нити
как древле учил Тезей

Боле возрадуйся об убытке
чем о бесчестно добытой части
дабы на божественном свитке
(над ним не имеют власти
ни время – ни человек)
счёт уравниал ты извечный
что будет вечно расти
Кто пьёт из Мидасовой чаши –
должником пребудет вовек

Всё во всём –
и все со всеми:
цвет и семя
семя и цвет

Порой цветущей
вкушай душою
цветенья свет

Что опадает –
плоды приносит
Жди же радостно
с верой

Извор немира је незнање
а знања тек како жалосте!
(Антитеза је тек мање
пројављивање тезе)
Е да се чудовишта
костима твојим не госте
држи се увек нити
ко што те учио Тезеј

Више се радуј губитку
него добитку без части
јер на божанском свитку
(над којим нема власти
ни време – немоли човек)
рачун равнаћеш вечно
а он ће вечно расти
Ког Мидин пехар задоји
дужан остаје довек

Све у свему –
све је у свему:
цвет у бадему
бадем у цвету

Догод бехара
ти се постарај
да уживаш у њему

Што пре опадне
пре плод донесе
Чекај га радосно
с вером

Но пусть
успех тебя
не возносит:
что делаешь –
делай с мерой

Легче всего
давать советы:
приветствуй друга
презри лицемера
но коли оба –
одна особа –
важна особо
мера

Запомни: многословье
не залог разumenья
Помедли
оседлавши стих
в самой середине пенья

А если считая звезды
упадёшь в глубокий овраг –
луч улучи
из бездны
да век
не восхвалишь
мрак

И что б ни стряслось с тобою –
не смешивайся с толпою!

Ипак
нек срећа те
не занесе:
што чиниш –
чини с мером

Лакше од свега је
давати савете:
пригри друга
презри лицемера
али кад оба
иста су особа –
тек ту је важна
мера

Утуви: многи говор
није и залог разумевања
Застани код
опкорачења стиха
баш кад си усред певања

А ако бројећи звезде
упаднеш у дубоку јаму
удучи лучу
да те изведе
и никад
не хвали
таму

И ма шта да ти се сломило
не мешај се са гомилом!

Солон

Кто нашептал вам закон
отречься от Саламина?

Это ль – народ мой?
Это ль – Афины?

Ужель повсюду растёт
пышный цвет Саламина?
Как же вас стыд не распнёт?

Что скажет сыну
отец
когда отгремит гроза?

Вино обратится в оцет
оплесневает лоза
что выкинут как мякину

Оплакавший Саламин
оплачет и Афины

Закон ваш зело потешен:
неправо – стоять за право
родное
Безумцем я сделался
грешен
на коленях искал управы
склонившись в метанойе

Солон

Ко вам то дошапну закон
да одрекнете се Саламина?

Је ли то народ мој?
Је ли ово Атина?

Цвета ли игде растиње
што га има на Саламину?
Како вас стид не распиње?

Шта ће рећи сину
отац
кад прође ова гроза?

Вино ће постати оцат
а пуна плесни је лоза
коју са чокота скину

Ко прежали Саламин
прежалиће и Атину

Закон сте донели смешан
што брани да се брани
своје
Лудим учиних се
грешан
те клекох ту по страни
да клањам у метаноји

Не стану ни пить ни есть
пока не услышите
люди:
призовите совесть и честь
кулаками стучите в груди
видя как лбом израненным
буюсь
не стойте будто безвинны

Я вас – и за вас – боюсь

ведь кто забыл Саламин
забудет и Афины

Агора – торговица горше
Только и слышно: – Почём?
Торгуетесь да
грызётесь –
простится ли вам потом?

Проживу и на Фолегандре*
иль на скалистом Сикине*
на островках никчемных
из нищеты и глины

И там на камне стану
и страшную вымолвлю истину:

Кто продал Саламин
тот продаст и Афины!

**Фолегандр, Сикин – маленькие острова в Эгейском море, упоминаемые в сохранившейся элегии Солона «Саламин».*

Нећу пити ни јести
док ме не чујете
 људи:
призовите се свести
удрите шакама груди
не претварајте се да вас
 завоји
за ране мог чела брину

Ја вас – и за вас – се бојим

јер ко заборави Саламин
заборавиће и Атину

Агора – од тржнице гора
Само се чује: – Пошто?
Цењкате се
 рђогризате
и неће вам бити просто

Живећу на Фолегандру
или кршевитом Сикину
на острвцима нишчим
што плутају нигдином

И тамо ћу стати на стену
и рећи страшну истину:

Ко продао је Саламин
Продаће и Атину!

Ода отсутствию (александрійская таблица)

Дабы шествовать музейно изящно танцуя стих
ритмично плетя силки тончайшему смыслу
устроил всё и исчез в перспективе

Деметрий Фалерский
перипатетик

Дабы маяк подпирал облака угнёздывал звёзды
зажигая солнечные снопы пробивая морские темноты
угломерил грезил имя сокрытое резал Сострат Книдский
архиархитектор и

математик

Дабы драма пробирала душу щекотала
щипала глаза состригала гребни страсти
радел издаёка сын элевсинский
Эсхил

драматик

Дабы проскений равномерно обращался окрест оси
котурны скользили Афина слетала посреди перипетии
пустил машины пустился в море герой своенравный
Герон

пневматик

Дабы с агоры горé и долу ораторская
речь катилась по-осьминожьи ширилась до оваций
нащупывая наитончайшие пульсы демоса
испытал Птолемея вернулся к поэзии
Ликофрон

Ода одсутности (александријска таблица)

Да му корак музеионом љупко опкорачује стих
ритмично плетући замке најтананијем смислу
уредио је и изгубио се у перспективи
Деметрије Фалеронски
перипатетичар

Светионик да подупире облаке гнезди звезде
ужиже сунчево снопље пробија морске тмине
угломерио снатрио име сакрио Сострат Книдски
архиархитект и
математичар

Да би драма драшкала душу голицала
штипала за очи штрицкала слеме страсти
постарао из даљине син елеузински
Есхил
драматичар

Да се проскенион равномерно окреће око осе
котурне клизе Атена атерира посред перипетије
пустио у погон похитао на море хировити
Херон
пнеуматичар

Да се са агоре надоле и нагоре ораторска
реч котрља хоботнички шири до овација
напипавајући најтање дамаре демоса
преслишао Птоlemeја вратио се поезији
Ликофрон

грамматик

Ради преображенья дикого Аписа в Сераписа
мягких локонов и гиматия
кормление навильниками свитков предписал
и после покойно Гомера читал
Зенодот

книжник

Под запретом переписыванья угрозы обиды
насмешки прозвище Медное нутро позабыл
чернила делал сам пословично отсутствуя
Дидим Библиолат

гностик

В замысле – тайна
в отсутствии – вечности лик

граматичар

За преображај дивљег Аписа у Сераписа
меких коврца и химатиона
храњење навиљцима свитака преписао
онда на миру Хомера читао
Зенодот

књижничар

На забрану преписивања претње увреде
подсмех надимак Гвоздени желудац заборавио
мастило правио већ пословично одсутни
Дидим Библиолатас

гностичар

У замисли је тајна
у одсутности чар

FABULA TRAIANA*

*Fabula Traiana – игра слов, отсылающая к «Траяновой таблице» (Tabula Traiana), надписи, высеченной в скале на берегу Дуная по случаю завершения строительства Траянова моста в 103 г., и к многочисленным легендам (fabulae), сложившимся вокруг личности императора Траяна.

Прибытие

У столбов Геркулесовых**
 путь мой вьётся как плоть
 Бегун с востока
 подьмлет факел зари
 над высью Железных врат
 Месяц румян и рогат
 синеет пролеска плешь –
 в златом раздоре

ТЕМНОКО

ГЛЯДЯТСЯ ДВА ДИВНЫХ СВАТА

У столбов Геркулесовых
всё вихрит

С виром хрустальным вир хрупкий свит:
кружат что птичьи игры
В одном – белая галька млеет
да падчериц солнца – искры –
с волнистого гребня ловит

В другом белуга белеет
(ежевику лелеет икры
да в воду сеять изволит)

У столбов Геркулесовых мой путь пульсирует: мера бескрайнего кадастра

Долазак

Око Херкулових стубова
ко бич вијуга мој пут
Тркач са истока
подиже бакљу зоре
изнад Гвоздених врата
Месец је рујан и рогат
пропланак модар и шут –
у златној завади

испод ока
мотре се два дивна свата

Око Херкулових стубова
све ври
Вир кристални и вир ровит
вртложе као загрљене чигре
Из једног – белутак ђиласне
да мала пасунца – искре
с кресте таласа лови

У другом белуга беласне
(да сеје купину икре
у леје водене воли)

Око Херкулових стубова
мој пут пулсира: кичма
непрегледног кадастра

Я счастлив и пристыжён:
противник мой побеждён
а я стою

окружён:

O Danub!

O terra pulchra!

*O syringea astra!****

**Геркулесовы столбы – здесь употреблено как редкое название Железных ворот (Джердапского ущелья).

*** *O Danub! / O terra pulchra! / O syringea astra!* (лат.) – «О Дунай! / О прекрасная земля! / О сиреневые звёзды!» Эпитет «сиреневые», согласно авторскому замыслу, отсылает к сирени (*Syringa vulgaris* L.) как одному из древнейших видов растений, относящемуся к реликтам третичного периода и составлявшему часть дендрофлоры Лепенского вира.

Радујем се и стидим:
дођох да победим
а опкољен сам

ВИДИМ:

O Danub!

O terra pulchra!

O syringea astra!

Письма Плинию*

Над Данубием
 днесь кометы
роем златым взлетели
от вира к виру мчатся сквозь лето –
помешает ли кто их лёту?!
 Молчу:
вещают – о ком? – горние меты...

Неужто сами лететь хотели?
Каким узором выткут парчу
 вселенского лона?

Знаю ты скажешь:
всему что пало
судьба не судила венца
И всё что пало –
 шепчу –
к паденью было склонно
и должно было пасть

Но верь мне:
они ниспадают
с неверием в близость
конца

их полнят любопытство
и страсть

Лететь нелегко – поверь –
слезою каменной став:

Писма Плинију

Над Данубијем
летње комете
златоносне и вреле
ко сме да их омете
из вира у вир док лете?!
Ћутим
док их – ко? – горе мете...

Да лете јесу ли хтеле?
Шта то исписују путем
– васионом?

Знам шта ћеш рећи:
свему што пада
и није досуђено да траје
И све што пада
слути –
паду је било склоно
те је морало пасти

Ипак веруј ми:
падају
с неверицом
да крај је

још пуне знатижеље
и страсти

Није лако летети
у камену сузу згрушан:

теснота – искушенья зверь
и забыт на лету устав

Разорван последний ремень
но неумолимо время:
себя уже не застанешь
паденья свист не услышишь
за миг не соберёшь
бесценное благо – лишь бремя –
и даже не погладишь
нежную шёрстку ветра

Зовёшь свободным паденье
а глянешь – заданы линии;
отверденье – конец и итог
а шлем золотой – рок
о Плиний!

Поверь – нелегко черстветь
привыкши к ритму и строю
Носить под рёбрами магму
под непробивной корою

Застынуть навеки камнем –
мука плодящая муки

Наипаче жаждешь объятий
коль горé заложены крылья
а долу связаны руки

*Плиний – имеется в виду Плиний Младший (Gaius Plinius Caecilius Secundus (62 – 114)), родом из Северной Италии, римский историк, с которым Траян был в дружеских отношениях и вёл переписку.

правила лета нема
а стешњеношћу си кушан

Покидан последњи ремен
а неумитно време
не да да застанеш
да фијук пада послушаш
и за час пресабереш
бесцен благо – сад бреме
или бар омилујеш
нежне зверке ваздушја

Тај пад слободним зовеш
а где те задате линије;
тврдоћа коначност је
а златни шлем коб је
Плиније!

Није лако бити чврст
а текао си ту скоро
Носити магму под ребром
под непробојном кором

Стврднути се у камен
мука је што рађа муке

Најжељнији си загрљаја
кад горе заложу крила
а доле свежу ти руке

Caniculae*

Вода

заносит

в таблицы

страхи свои и надежды –

и вал высокий и сушу

Я склонился омыть лицо

а прочёл

свиток паденья

открывши вежды...

Камню

вода

излила душу

Записи той не слижут

столетья наводнений

(а как Иды подходят ближе

полнится вир полдневный)

Так-то

сыне Нервы**

с собою сводят счёты:

вершины всегда открыты

затворены глубины

Не надобны и засовы

тайна сама хоронится...

Разве ныряльщик смелый

её отпереть сумеет

иль пёсий зной что сурово

лизет русел сухие границы

Caniculae

Вода

видим

бележи све

страхове своје и надања –

и вал високи и сушу

Дођох да освежим се

а прочитах

докле су ишла

падања...

Камену

дакле

излила је душу

Овај белег не брише

стотина поводања

(а кад се Иде ближе

вир плави за по дана)

Тако се

Нервин сине

са собом своде рачуни:

врхунци вазда јавни

падови заливени

Нису нужни крачуни

тајна сама се чува...

Само ронилац спретни

може да је отпрета

ил жега пасја ко ова

док лиже корита сува

Но как прежде бесследно
пройдут июльские дни
а история
 что вековуха –
в срок никогда не готова
глуха на одно ухо
и хочет
только дремать в тени.

*Caniculae (лат.; от canis – собака) – самая жаркая пора лета (июль-август); название связано с тем, что в этот период на небосводе видна звезда Сириус в созвездии Пса.

**Нерва — Марк Кокцей Нерва (Marcus Cocceius Nerva; 30—98), древнеримский император, в 97 г. усыновивший и сделавший своим наследником Траяна.

Ал и то с јулом прође
и нема консеквенци
а историја је
 ко оцвала жена –
никад на време спремна
на једно уво глува
и воли
да дрема у сенци.

Писал и снова пишу тебе
Плиний
я кого звал ты укротителем вод
но их начало мглисто что иней –
послание тайное
Чтение – исход

След ноги оставленный в глине
вода глотает с гортанным смехом
В миску набравши звёздной сини
счёт веду с родовым грехом*

Руку с моста простру
о Плиний
а ветер воде: расклинь её!
Камень-рыба в прозрачной
глуби
То Хистрия! Данубий!

Не сто́ит кнутом
Бессилен лепет

Страх мой в том
и трепет

*Имеется в виду гадание по отшлифованному до зеркального блеска дну железной миски.

Писах и опет пишем ти
Плиније
ја ког си назвао кротитељ вода
ал њихово начело у маглини је
посланство тајно
Читам и ходам

Отисак стопа ми у глини је
а оне спирау га гротним смешком
Док хватам сазвежђа у синије
схватам: рачунам с кобном грешком

Подигнем руку са моста
Плиније
а ветар води: расплини је!
Риба пак камена с дна
све бистрија
Дануб је то! Хистрија!

Не вреди кнутом
Још мање лепим

Страх мој је у том
и стрепим

Плиний у Вира

Lapis ut infans, lacte nutriendus est virginali
(Камень, как дитя, должен быть вскормлен
девичьим молоком)*

Под бременем
 времени
дышит кто как умеет
Неопратно запрятан
боле не явится
 в звуке
камень из вира

Над сущью пустоши –
кто крик немой
 разумеет –
прежний плач воспоёт
погладят руки
облика блик
 как лиру

Младенец неба
на́ руки пал земле:
*и-мати-и-не-мати***...
Ему для роста – воздуха
и небесного хлеба
но прежде – млека
от века надобно дать!

Земля же была ещё
дева
белорумяночиста

Плиније на Виру

Lapis ut infans, lacte nutriendus est virginali

(Камен, као дете, ваља напојити

девичанским млеком)

Под бременом

временом

дише како ко уме

Неспретно запретан

више се не јавља

звукот

камен на виру

На суво насуканом –

ко крик му неми

разуме –

исти плач пева

гладећи руком

обли му облик

ко лиру

Рођенче неба

пало на руке земље:

и-мати-и-не-мати...

За раст му ваздуха

и небескога хлеба

ал млека прво

лека искони дати!

Земља пак била је

девицом

белоруменоведром

щедроты дарила вправо
и влево
целомудренна
и проста
а в груди-то жемчужнонежной
млека росла густота
под плотью
непробужденной
набухшею и снежной

Затужила дева-земля
зазываючи млечность

И разнежилась влагой
сталактитова вечность –
потекла потаённо
звения

Прыснула соком персным
Камень уснул
чтобы проснуться
подле меня.

*Алхимический принцип, возможно, восходящий к «Алхимической мессе» (ок. 1525) Мельхиора Цибинского и упоминаемый в трактате немецкого алхимика, поэта и музыканта Михаэля Майера (1568/1569-1622) «Символы золотого стола» (1617). «Молоко девы» – один из важнейших алхимических символов, субстанция, играющая решающую роль в процессе трансмутации.

**Игра слов в сербском (имати «иметь», немати «не иметь»; мати «мать», немати «мачеха») оставлена без перевода ввиду созвучности старославянским формам: имати («иметь») и мати («мать» в звательном падеже).

што даје десном
и левицом
целомудреном
штедром
ал недро седефнонежно
не беше млеком још једро
онако
непробуђено
набубрело и снежно

Стужи се земља-дева
зазивајући млечност

Разнежила се влага –
са сталактита течност
потече путањом
сред стене
Прсну млаз прсни
Камен усну
да пробуди се
крај мене.

Ondinae*

Водит Дунай караваны
нежных рабынь –
русалок
Всюду их – мириады
прозрачных
слёзных
тонких
бормочут
заботе рады
омывают каждый голыш
бережно водной негой
одевают в покров и тишь
под илом
(точно под небом!)
камня руно и руно –
тайно врезанный оттиск:
рану
рубец
корону

Не вынырнут грешные —
вьются
в оковах из атласа
словно воды безгласы

Ondinae

Дунав у каравану
води робље –
 русалке
Има их на миријаде
прозирне
 сузне
 танке
ваздан мрморе
 раде
омивају сваки облутак
брижном воденом негом
скривају у скрбни кутак
под муљем
 (не и под небом!)
камење што носи руну
што има тајни урез:
ожиљак
 рану
 круну

Да не изроне
 грешне
све носе негве таласа
на глежњу ил око паса

Уста сомкнуты – но тихо
златые очи смеются
когда выводят Плеяды
на водопой Пегаса

* Ondinae (лат.) – ундины, латинское название водных нимф; Вера Хорват указывает и на другое значение слова ondina – «доисторическая рыба».

Усне им сљубљене али
златне очи се смеше
кад год Плејаде изведу
на појило Пегаза

Бабакай*

Камень камень камень
где твоя магма?
Плен и память о пламени
что вселенная разожгла

И каждое утро мгла
дочь встречи
с нею –
вОдой!

Да разве же ты ей мил?
Иль будешь когда-то люб?
Она бурлит: – Осрамил!
Пеной ревёт: – Душегуб!

И течёт – что уста
 чиста
а грудь тебе подло-
 мила

На пути скособожен
какая же ты ей – сила?

Бабакај

Камене камене камене
где ти је магма?
Само се сети свог сјаја
кад васељена се нагла

И ова јутарња магла
кћер је сусрета
с њом
вОдом!

Па јеси ли јој омилио?
Јеси ли је бар смлачио?
Она кипти: – Ујармио!
Пеном реве: – Потлачио!

И тече – иста
чиста
а теби груд подло-
кана

На путу устобочен
а каква си јој брана?

Но куда же?
Назад?
Горé?
От боли не вырастут крылья!
А она – знай себе – в море
Что волна – без усилья –
одна...

Ondina!
Выдри́на дочка!
Златопёрая осетрица!
Родила тебе сына
не больше облачка
да мимо мчится игриво

Воистину: ветра сестрица
а ты – древнее диво
судно без морехода

бессловесен как точка
коей кончается ода

Ал куд би?
Назад?
Горе?
Кад би бол давао крила!
А она – зна се – у море
Прпошна ко што је и била
онда...

Ondina!
Видра трачка!
Златопера јесетра!
Родила ти и сина
не већег од облачка
а мимо свега јури

Јесте: сестра је ветра
а ти си згурено сури
прамац негдашњег брода

неразговорљив ко тачка
на којој престаје ода

но – как нож ты остёр
в венах отверстых дня...

Камень
камень
камень

как ты похож на меня

*Бабакай – скала, возвышающаяся над поверхностью Дуная у входа в Джердапское ущелье. О происхождении названия спорят до сих пор. Одно из возможных древнейших значений названия – «предок камня».

ма – ко ножић си оштри
сред вене отворене...

Камене
 камене
 камене

како личиш на мене

Оберег-берег
облак
окутал

Веет весной
несмело...

Катулл
воробья оплакал
а царь
(Как встарь?!)
с камнем
тужит окаменело:

Ты ляжешь ей в руку
я – на колена
Ах – радушная ниша!

Ничто не дарит
блаженней плена
чем иго ладоней
и чары чресел...

Внимал я – весел –
заре и раю

Обала
облак
облутак-лутак

Прамалето ће
Јужи...

Катул
врапца оплакао је
а цар
(Зар?!)
с каменом
скамењен тужи:

Ти у грст легнеш јој
ја у крило
Ах – ниша миловидна!

Ништа не молиш
само да траје
ропство под длановима
и стегна стега...

Као под стегом
под зором стајах

рождён из вира
свитой страсти

Её из вод
кристальных
ваяю
но знаю: меня не сможет спасти
тот облик что я
не сберёг...

Оберег-берег-облак-окутал
Катул бы сюжет купил!

Шепни – кому было слаще?
Пискни – кто чашу испил?

Кого обнимала всех паче?

Уши мои слезами полны
всегда во дни молодой луны –
вот и ты по воде ускачешь . . .

Пусть Орция
чудо увидит –
камень летит
и плачет!

рођен из вира
свих страсти

Сад је од вода
кристалних
вајам
а знам да ме неће спасти
тај гест залудни
обли...

Обала-облак-облутак-лутак
Катул би платио за сиже!

Шапни – коме би лепше?
Писни – ко беше ближе?

Кога је грлила јаче?

У мене уши суза су пуне
свагда у дане младе луне
а ти би да по води скачеш . . .

Орција где је
да чудо види –
камен лети
и плаче!

ЛИСТАНИЕ КАМНЯ
ЛИСТАЊЕ КАМЕНА

Год 2009

В выбоинах
бойниц
щербатость камня
порою сливается в слово

Крадучись капли
карту каймят и картуш

Нечитаемый ливень снова –
но глазу брезжит знаменье
пока свет и тень –
киноварь и тушь –
каплей кропят каменья

Не верь всему что видишь:
мерно меняются краски
как маятник золотой
колышет небесную глушь

Прежде чем глянешь глазом
вдохни из этих
бессчётных ноздрей
выдох известняковых душ

2009.

На пиргавим
 пирговима
рошавост камена
каткад се слива у слова

Кришом клешу
карту и картуш кише

Нечитљиво избија изнова
а оку знано се брише
док светлост и сенка –
киновар и туш –
капљу у камене нише

Не веруј свему што видиш:
боје мењају места
како се златно клатно
по небосклону њише

Пре но што отвориш очи
удакни то што
 безбројним ноздрвама
кречњак пред тобом дише

Давно мы не листали
каменных рун Твердыни
Не лжепророки сложили
эти скрижали – доныне
панонской волной хранимы*
О морской конёк

О устрица
на вретище каменной схимы
редкой вязью пестрится
свиток-речь о былом
и о том что сбыться не может
Стриж почистит крылом
средоточие – ложе
неприставших улиток
на дне что издревле сухо
(неспоро канут в апории)
нежных раковин

слиток
слишком мелких для уха
истории

*На срезе некоторых камней, из которых сложены стены Смедеревской крепости, можно увидеть петрифицированные останки флоры и фауны древнего Панонского моря.

Одавно нисмо листали
камене руне на тврђави
Они што су их сложили
не беху пророци рђави:
панонским таласом донети
О морски коњиц

О острига
сложени у вез на кострети
касног каменог пострига
сведоче о том што је било
и оно што бити не може
Чиопа чисти крилом
тајни интерпункт – ложе
пужева непристалих
да с дна сукну на суво
(пре су за нешто спорије)
седефастих

но премалих
да ставиш их на уво
историје

Год 1428*

Брать разве смеем дерево
коль тот кузен
Кантакузин
и на сланец
косится:
– Это камень, *каимено?*
Это камень?!
Канем без камня?
Канем без камня
тёсаного?!
Тесно его
спяй
с яйцами да скорлупками
хрупкими
И рыбью возьми чешую
слизлую
и *дунаводу*
и с века влагу слёзную

Вздыхай
вздымай
тень одну
каменную жену
(иной не сыщешь!)

Кирпичом её опеки
да опять
опарь
ударь –
утроба бредит

1428.

Откуд сме древо
кад тај кузен
Кантакузен
и на шкриљац
чкиљи:
– То камен, каимено?
То камен?!
Камо камена?
Камо камена
тесаного?!
Тесно га
спајај
па јаја с љуском
људски
И краљушт рибе збери
слузну
и дунаводу
и со што с веђе спузну

Узидај
уздисај
сену
жену камену
(јер ину нећеш!)

Опеком је опервази
па опет
опри
удри –
дроб бриди

а дромба бодрит
разубран
зазубрен
край

Братъ ныне смеем дерево?

– *Сме дерево!*
Да на рожны
на рала
на зубочистки –
глупые люди!

Ибо град сотворен
да весь день затворен
и всю ночь отворен
пребудет

*В 1428 было начато строительство Смедеревской крепости. В течение нескольких последующих десятилетий Смедерево являлось фактической столицей Сербии. В стихотворении упомянуты и претворены некоторые реалии и легенды из истории строительства города:

...коль *тот кузен / Кантакузин...* – Георгий I Бранкович, деспот Сербии (ок. 1427 – 1456), был женат на византийской царевне Ирине из рода Кантакузинов. В руководстве строительством принимали участие и ее братья: Фома, Андрей и Георгий.

Каимено (греч. *καίμενο*) – Горе мне! Это камень?! / *Канем без камня?* – Для возведения крепостных стен не хватало камня, и порой его приходилось доставлять издалека. Это сделало процесс строительства долгим и тягостным.

али дромб бодри
сљуби
назуби
Крај

Да л сад сме дерево?

– *Сме дерево!*
Али за ражањ
 рало
за зуботреб
 луде!

Јер град је сатворен
да вас дан затворен
и сву ноћ отворен
 буде

...с яйцами... – По одной легенде, при кладке стен для улучшения качества связующего материала использовались куриные яйца; молва приписала Ирине Кантакузине приказ собирать с народа яйца, что нередко приводило к голоду. ...каменную жену... Кирпичом её опеки... ударь... – В одну из стен крепости был вмурован барельеф с изображением богини Гестии (оказавшийся среди прочих материалов, привезенных с развалин римских сооружений). В народном сознании скульптура прочно соединилась с образом Ирины (несправедливо прозванной «Проклятой Ириной»), которая виделась воплощением злой воли и виновницей сопряжённых со строительством мучений; по преданию, каждый житель Смедерева считал своим долгом бросить в изваяние камень. Барельеф был уничтожен или похищен во время

Второй мировой войны. Сербизированная форма имени Ирины – Јерина – используется в стихотворении в виде каламбура.

Дромба (более распространенные названия: варган, еврейская арфа, дрымба) – народный язычковый музыкальный инструмент класса идиофонов (самозвучащих).

Сме дерево! (сербск.) – букв.: «Можно дерево!» Эта фраза, обыгрываемая в стихотворении, связана с легендой о происхождении топонима Смедерево, согласно которой во время возведения крепости не разрешалось использовать дерево.

Господарь белит бороду
Воды – камень
Кормилицы – млеко
В светлицах девичьи лица
белеют
Сияют осины
Ели как свечи млеют

Мгла над градом легка –
облака
сенью возносят вилы*

Мозоли
слёзы
клятвы
тают от светлой
силы

*Вилы – крылатые женские духи в мифологии южных и западных славян.

Господар бели браду
Воде – камен
дојиље млеко
девичице алем лице
беле

Јасике трепте
Ко свеће горе јеле

Над градом у лаке
облаке
магле zdeвају виле

Жуљеви
сузе
клетве
сахну од светлине
и чиле

Ничто
не возникнет
из ничего
Наипаче град

Горд и рад
господарь
Господу дар
принести

Слети
сокол на плечо
ласточка на плат
воробей в окошко
на крошку
праздничного пирога

Стража строга
град оградит
заполнит башни –
белые грани зóри

Дунай
разморённый
днесь не течёт:
ведь сам он –
море

Ништа
не ниче
ни из чег
Најмање град

Горд и рад је
господар
Господу дар
Принеће

Слеће
соко на раме
ласта на платно
врабац на мрву
 прву
славског колача

Корача
гарда око града
врви врх кула –
белог обруба зоре

Дунав
разгаљен
данас не тече:
и сам је
море

Ноћ на Новом брду

Шака пуна сребра
прогрушана
уста пуна ћутње
и гнушања
стамбол крцат лацманима
перушањем

Цар лазаре милутине о душе

У доба опсенарства
не на мегдану
дивану
дану –
у помрчини
распарчавају се царства

Портица порта
круни круна
Прождраше просфору
умочивши је у крв

Опјањен овде сам
а пило се на босфору

Плачут архангелы
а червь медоточив

Бытие мне в убыток
а битва прибылью мнится ныне:
просто – коль бьют
но путаться в паутине
и чують как кровь твою пьют –
срамно!

Деспот удел свой измерь
Ивойе**** старый утешит:
Расплети косы дочь
се георгий бороду чешет
один давно...

* Новая Гора (Ново-Брдо) – один из крупнейших средневековых городов Сербии; построенный около рудников в Косово и Метохии, он был известен благодаря добыче серебра, являвшейся источником доходов сербских властителей от короля Милутина до деспота Георгия Бранковича. Был взят турками в 1455 году.

** Деспот Георгий Бранкович вспоминает трех великих государей Сербии:

Стефан Урош II Милутин – король Сербии (1282–1321) из династии Неманичей. Прославился войнами против Византии, в ходе которых значительно расширил границы Сербского королевства. Дав обет за каждый год правления строить по задужбине, воздвиг 40 храмов. Канонизирован Сербской православной церковью.

Стефан Урош IV Душан (по прозвищу Душан Сильный) – сербский король (с 1331 года) из рода

Сузоточе архангели
а поцупкује црв

Битак ми се губитком
а битка добитком чини:
просто – бије се
али заробљен у паучини
док крв на памук пије се
срам је!

Деспот се удесом мери
Ивоју брк се смешка
Расплети косе кћери
гле ћурђе браду чешка
и сам је...

Неманичей, с 1346 года — «царь сербов и греков» (до смерти в 1355 году). В годы его правления Сербское королевство стало одним из сильнейших на Балканах. Был известен как выдающийся законодатель.

Лазарь Хребелянович — последний независимый правитель Сербии (1370—1389), святой Сербской православной церкви. Боролся за объединение сербских княжеств в период междоусобных распрей. Добился признания Византией Сербского патриархата. Геройски погиб в битве против войска султана Мурада I на Косовом поле.

***Порта – принятое с XV века название резиденции султана Османской империи в Стамбуле. В оригинале Вера Хорват создаёт каламбур, используя *русское* слово «портится».

****Ивойе – слуга деспота Георгия.

Последняя вечеря в Малом граде*

Жемчужна чаша сребриста брада
падает жемчуг с венца как вода
в чашу что шлёт беда
в час немилости...
Разойдёмся

милые гости

Что время разверзло – поди замости!
Бархатом свиток свободы спасти!
Перламутром – апостола мощи!

Лука**

заступи

Спасе

прости

**Малый град* – резиденция деспота Георгия Бранковича в Смедерево.

**Св. Лука считается покровителем Смедерева; деспот Георгий Бранкович выкупил у султана мощи апостола, хранившиеся с IV века в Константинополе, и, пройдя с крестным ходом через всю Сербию, принёс их в свою столицу 12 января 1453 года.

Последња вечера у Малом граду

Бисерна чаша сребрна брада
бисер са круне у чашу пада
у часу пада
сечива немилости...
Разиђимо се

мили гости

Што време разлучи – ко да премости?!
Сомот за свитак самобитности!
Седеф за апостолске мошти!

Лука
заступи
Спасе
прости

Деспот в Девиче*

Неужто цвет расцветший сирени
ощиплет хрущ?!
Чёрного инея облак слазит
тьмою тьмуц
Листву сжирает Ветвей вбирает
облик сущ
Горкочет в горле прогорклом голос –
слов не имущ

**Девич* (букв.: «девичий») – монастырь в Метохии, построенный Георгием Бранковичем около 1434 года в знак благодарения Богу за исцеление дочери-девицы. В 1999 году монастырь был полностью уничтожен, ныне – частично восстановлен.

Деспот у Девичу

Јоргована грану разграналу
да брсти хрушт?!
Црнога иња облак слегао
тмаст и тушт
Листом се храни Узима грани
облик сушт
Шта год се грко грлом котрља –
језик немушт

Год 1459*

Бом бом
хриплый звон
не отвратит
небрата от врат
будущей
бражни
и сарая**

Бом бом
кабы да гром
а не горланье
грозного
гряя

Бом бом
при владыке больном
земля – наковальня
а ковань – райя***

Бом бом
Горит наш дом –
родослов
минеи
купчии
невмы

Бом
Боже кто мы
не громы не хромы
нахрапом когорты –

1459.

Бом бом
прозукли звон
како да врати
небрата с врата
будућег
 свратишта
и сараја

Бом бом
да бар је гром
а не халакање
тутњава
 граја

Бом бом
господар бон
земља – наковањ
ковина – раја

Бом бом
Гори нам дом –
родослов
 тапије
 минеји
 неуме

Бом
 Боже
ни хrome ни троме
хрупише кохорте

да будем немы
иль сгинем сплошь

Боже
почто нам чадно!

Боже
почто нам чудо
иль каплю дождя
не пошлешь?..

Дон дон
на небосклон
тень – камнепадом

Отцвела
наклонилась
во тьму заронила
роза заката
над градом

Дон дон
пал донжон
Румелии

Дон дон
с роком вовек
сладят
умелые

Дон дон
в труху – трон
челу – тёрн
червлёна корона

да нас преуме
или збришу

Боже
 што чади!
Боже
 што чудо
не пошаљеш нам
 или бар кишу?..

Дон дон
на небосклон
дуга сен пада

Оцвала
 клонула
у мрак утонула
ружа заласка
понад града

Дон дон
паде донжон
Румелије

Дон дон
удес је увек
склон
 умелијем

Дон дон
у труње трон
у чело трн –
црвену круну

на величание
с небом венчание
в час последнего
звона:

бом

бом

бом

*В 1459 году Смедерево было взято турками.

***Сарай* (тур.) – зд.: двор османского правителя. В переводе слово сохранено в качестве каламбура.

****Райя* (тур., презр.) – собирательное название покорённых турками народов. В сербский язык вошло в качестве разговорного синонима слова «народ».

да је свечаније
с небом венчаније
када последња звона
груну:

бом

бом

бом

Деспот тужит над Смедерево

Да смолкнут звоны
коль смолкнул праздник
Да будут била
клепала лепы!
Дух мой во схиме
рассеяны дети
мои по свету
и слепы*

*Двое из четырех сыновей Георгия Бранковича – Гргур и Стефан – были ослеплены по приказу султана Мурада II. Гргур перед смертью принял монашество с именем Герман и умер в 1459 в Хиландаре.

Деспот тужи над Смедеревом

Нек нема звона
нема ни празника
Дељите била
клепала лепа!
Дух ми у кострети
док су ми деца
расута светом
и слепа

Год 1805*

Караваны
Каракуш
Карагёз

Сервия – сарай

Даждь нам вождя!
Даждь нам вождя!

Да за вожжи
– кто куда –
Мустай-бей
Мулай-бей
Гуляй
бей!

Кара
героям оргий!
Кара
героям оргий!

Кара героям оргий!

– Кара
Георгий?
– Кара –
гей! – ордам!

1805.

Каравани
Каракуш
Карађоза

Сервија – сарај

Дажд нам вожда!
Дажд нам вожда!

Да зажди
– куде који –
Мулајбег
Мустајбег
М' устај
бег!

Кар
рђо рђе!
Кар
рђо рђе!

Кар рђо рђе!

– Кар
Ђорђе?
– Кар
ђорде!

А впервой –
Чуб долой
Чин второй –
Встань горой
Град открой

Гушу за душу
Задущу
Ей-ей!

*Стихотворение отсылает к первому этапу (1804 – 1805) Первого сербского восстания против Османской власти, которое возглавил Георгий Пётрович (1762 – 1817), прозванный Карагеоргием (тур. «чёрный Георгий») за тёмную внешность и суровый нрав. В тексте отразились следующие реалии и персоналии эпохи:

Каракуш (тур., досл. «чёрная птица») – болезнь лошадей.

Карагёз – персонаж турецкого театра теней.

Чуб долой – Карагеоргий приказывал своим воинам отрезать чубы, так как в бою турецкие конники ловко поражали сербов, хватая их за волосы.

Гушу за душу – Имеется в виду Диздар Мухарем Гуша, турецкий военачальник, передавший Карагеоргию ключи от ворот Смедерево 8 ноября 1805 года.

Перви чин –
Перчин
Втори –
Силу твори
Град отвори

Гушу за гушу
До гуше је
Бре!

ДЕВИЧ

Златовязь

Пролилася ветка сирени
серебром живительным Ибра* –
диво-пяльцы
да игла хрустальна
играют архангеловы пальцы
играет златой клубок –
вьётся небесная нить
нижутся церкви
 куполочек на куполок
Тени под камнем
связаны тайно
 Зенит

*Ибар – правый приток Западной Моравы.

Златовез

Просула се грана јоргована
опточена живим сребром Ибра –
дивот-ђерђеф
а биљурна игла
у рукама архангела Игра
игра златно клубе –
небеска одмотава се нит
ничу намастири
 кубе по кубе
Сенке још свезане
под каменом су
 Зенит

Церковь Св. Спаса

Разветвилась ветка
 игдрасия
под ним трепет
херувимских крылий

Над ними – Спас

В руках его
шар хрустальный

Пребела риза
Злат пояс
Ни амвона
ни звонницы –
 ниций

умолкнул глас

Боле
не сыщешь
и пепелища
перстом не напишешь:

Помилуй нас

Црква Св. Спаса

Разгранала грана
игдразила
под њом лепет
херувимских крила

На њима – Спас

У руци му
кугла од биљура

Пребела риза
Златан пѧс
Ни амвона
ни звоника –
ништа

да пусти глас

Гле
нема више
ни пепелишта
да прстом напишеш:

Помилиуј нас

Богородица Элеуса

*Над широкой нивой выжженной
невеста парит невестная
на руках у ней чадо малое
на щеке слеза жемчужная*

Богородица Елеуса

*Голема њива жежена
над јаром лебди невеста
мицно јој чедо на руке
бисерна суза низ образ*

Неделя*

Разветвилася ветка сирени
застит гроздами небосвод
Непостижной гранатовой сени
злат и тяжек родится плод

Утро
И утреню бы пели
 кабы в храме
Ой ленок мой милоч
 каб не хромы
Сниди с плата птица ластица
 с костылями

*Неделя— зд. употреблено в старославянском значении воскресного дня, начала церковной седмицы.

Недеља

Разгранала грана јоргована
густе јој цвасти пуне свод
Недохватна грана од мограња
тежак и златан уздиже плод

Јутро је
И јутрења би било
 да је храма
Ој лане милане
 да не храма
Сиђи с платна птицо ластавице
 на штакама

Цветы

Горит терновник
Марии
Белая голубица
Купина неопалимая
Горит – рдеет – сияет – млеет
Пламень просей сквозь ресницы
а не то сожжёт тебе душу
Возвесть не смею очи горé
(кто читает тот разумеет)

Горит багрецом и куст
беглой рабы Марины
Стихи ему пою *наизусть*
как воробы
что чирикают из рябины

Горит –
о чудо –
белым
чёрный тёрн на подворьи
Как он горит коль уже горел?
Как любить коль уже любил?
А горит же – велиим телом:
то не кость его вспучилась
да прорвалась размозжена –
власяница на нём истончилась
и выбилась белизна!

Цвети

Гори жбун
Марије
Бела кумријо
Купино неопалимаја
Гори сјај плав и румен
Кроз трепке да го просејеш
душу да ти не испече
Не смем да погледам горе
(ко чита да разуме)

Гори рујем и куст
рабе одбегле Марине
Риме му *наизуст*
ко сваки врабац
што жив-живи од рјабине

Гори и –
о чуда –
белом
црн трн иза црквишта
Како гори кад је већ горео?
Како да воли ко је већ волео?
Али гори – велом:
није му напрсла кост
па покуљала мождина –
расенила се кострет
и пробила белина!

После пожара смерзается град
К добру ли? Как знать?!
Поныне зовёт обманом отрад
весна...

Хворал он долгих три года
а то и боле –
здесь каждому году хвала утроена
и удвоена доля
Притаившись
трепещет от счастья
цветения
чистоты...
Каково же будет Воскресение
коль таковы
Цветы!

После утарака сручи се град
Добро? Ко зна?!
Варљива беше ко и сад
весна...

Боловао три године дана
или више –
овде се свака пева утројено
а удвојено пише
Шћућурен
радошћу трепти
цавти
и цепти...
Какав ће Васкрс бити
ако су овакве
Цвети!

Литография

*Я пшеница Божия:
пусть измелют меня
зубы зверей,
чтоб я сделался
чистым хлебом Христовым ...
(Св. Игнатий. Послание к римлянам)**

Кто камень? Сито? А кто же прах?
Всяко зерно пред жёрновом – страх
Чем боле мельчит
 тем боле белит
Давит? Болит? Значит: мелет!

Вертится
 вертит
 твердеет рука
слезит зерно – солона мука
Ах лучше солоно чем пресно!
Как увидеть коль всюду мрачно
Как обняться коль всюду тесно
Вспомнили: слово из той же были
Местом из той же песни были
 Мы ли?

**Перевод протоиерея Петра Преображенского*

Литографија

*Ја сам Божје брашно и
предаћу се да будем смрвљен
међу зубима звери
е да се од мене начини
чисти хлеб за Христа ...
(Св. Игнатије, Писмо Римљанима)*

Ко камен? Сито? Ко пак прах?
Свако је зрно пред жрвњем страх
Ал боље ситније
 боље беље
Притиска? Боли? Значи: меље!

Врти се
 врти
 тврди длан
кад зрно сузи и хлеб је слан
Ах боље слано него пресно!
Како се види кад је мрачно
Како се грли кад је тесно
Сетисмо се: исто повесмо
Место из исте песме бесмо
 Јесмо?

Синайский камень в Девиче

Мой еси – глас речет –
избранник
Мой еси – плач течет
по грани

Синие стены – горé
синие стены – море
под облаками зримо

Сей же час
воссияет
солнца купина
неопалима

Что отдашь за призор
коли гору багряной ризой
до небес волна
овила неодолимо?

За ризому веры под камнем
что злаки растит сквозь шлаки
неотмирным ликом светлима?

За смуту чуянья в чуде
за песнь *виденья* –
не чути –
Нового Иерусалима?

Синајски камен у Девичу

Мој си – рече глас –
избраник
Мој си – јека склизну
низ гранит

Сиње стење горе
сиње стење море
доле под облацима

Сију минути
засијаће
купина сунца
неопалима

Шта ћеш дати за призор
док гору багреном ризом
овија до врхунца
светла плима?

За ризом наде под стеном
што штура као згура
неземни облик има?

За смутњу чула у чуду
за песму *виђену* –
не чулу –
Новог Јерусалима?

За тьму разъяту до сути
что можешь дать?

Синезлатоалым покровом
окутала Мать
вершины

Поклон Отцу со словом:

– Аз Сына!

За таму расплинуту
шта ћеш дати?

Руменозлатноплавим
трепери Мати
с висина

Преклон Оцу што јави:

– *Аз Сина!*

ЗИМОВЬЕ
ЗИМОВНИК

Яблоня из Елабуги

1.

Яблоня
из Елабуги
поздний сбор
Долу сборщик
далёк собор

По-над взором
где окоёма
рвётся кайма

В кроне
гнезятся ласточки
вкруг ствола –
сорняков листочки
Корень – тьма

Жрица коей не сослужили
не заслужили –
разворожили
рас-ставили –
закляла древо да вырастет в силе
плача о том как низка
сама

2.

Через плечо брось гребень:
коль судьба улыбнётся
взрастут в оврагах цветы

Јабука из Јелабуге

1.

Јабука
из Јелабуге
позне сорте
Изнад берача
изван порте

Понад видика
изван слике
преко рама

У крошњи
– гнездо ластиње
уз стабло пење се
ниско растиње
Корен – тама

Жрица коју не саслужише
не заслужише
растужише
рас-ставише
заклела је да расте више
оплакујући јој недохват
сама

2.

Баци за собом чешаљ:
ако те послужи срећа
јаруге постаће леје

и куст колючий сплетётся
среди пустоты
где пал

Через плечо выплесни чашу:
лава вир в лабиринте свила
что твой след учуял сквозь чашу –
да свернётся в чернила

Хаос-оскал
бытием очерти
глядь – и явилась чернильница:
в сказке своей – гостинице –
гонителей приюти
да очеловечь

Напой их и накорми
в диванхане щедро прими
От угольев им
– на темени –
запали *махорку*
что печь

Расскажи немного
о времени
ничего об огнive
и кремне
о связи плеча
и бремени
гласа и ременья –
границы песни прейти
сказке
заказано

и честар ће се сплести
посред пустоши где је
пао

Пролиј за собом чашу:
вир лаве у лавиринту
што ти је траг пронашао
усириће се у тинту

Хаос

оивичи бићем
и ето мастионице:
у причи-гостионици
гониоци биће
уљуђени
Напој их и нахрани
у диванхани
На угљевљу им
– на темену –
запали *махорку*
узбуђено
Реци тек коју
о времену
ништа о оцилу
и кремену
о спреси плећа
и бремена
гласа и гајтан-ремена –
прича преко границе
песме
не сме

Через плечо брось и камень
который в тебя бросали:
– се воздвигся горою
и точит слезу из дали –

да не отдашь
как Марсий
горло за флейту
ребро за лиру

предстань же свету
как явь угаснет:
листок чистотела
миру
как ласточка – ласково –
вверх

Сестра пеластова
скифова дочь
в ночь
забрось
сапожок без пары
Пусть летя
замлеет
углем от жара
крыльями бабочки
что стынет горя
в одиночке
из янтаря

Баџи за собом камен
којим се баџише на тебе:
– израстао до хума
и даље у оку гребе –

да не вратиш се
сем као Марсиј:
грло за флауту
ребро за струну

сем кад се свету
вид угаси:
са росопасом
у кљуну
као ластва
свечери

Сестро пеласта
скитска кћери
чизмицу
завитлај
којој нема пара
У лету нек
запламиња
ко грумен жара
ко крило лептира
сапетог
у самици од
ћилибара

Зимовье

Тёмная ночь
Молния сокрушает
поднебесные царства
Гролом провозглашает
границы в новом свете
с запада на восток
слева
справа
пускает корни
сплетает сети
но швом
расшивается слава
краткосрочной державы
и апатриды
не слёзны –
гляди:
се слёзы сами! –
ветром разнесены
уже считают мытарства
распадаясь над нами

Мы мокнем
а ржавые листья
взвихренно-хворы
и полых тростинок хоры
внимают вьюжную весть
что вовек не престанет

Что есть то есть
Знаю: высушить –

ЗИМОВНИК

Тамна је ноћ
Муња распарчава
царства поднебесна
Уз грохот проглашава
облака нове границе
са запада на исток
слева
здесьна
ужиљава се
сплиће жице
али пуца
попут шава
кратковека држава
а апатриди
не сузни –
гледај
суза су сама! –
ветром разнесени
већ броје митарства
падајући по нама

Киснемо
док лишће зарђало
у вихору
и шупље трстике у хору
повинују се орљави олује
што не уме да стане

Шта је ту је
Знам да сушити

не утешить
знаю: лишь солнцу –
 судьбу решить
Довольно с нас и тепла
 очага
что воду небу вернёт к утру
Под соломенной кровлей!
Подле огня!

Полно стоять
на ветру

није што и тешити
знам – тек ће сунце
удес решити
Ал засад бар топлине
ватре
што воду враћа домаји
Под слеме сламено!
Око огњишта!

Не стојмо више
на промаји

Февраль

Бренчит февраль
бренчат *con brio*
дебелые белые струны
его виолончели
Пушистой партитуры страницы
линии рельсов что руны
над ними ноты –
птицы

Гул дрожит над
 орхестрой площади
 кружит
амфитеатром

Сентябрь кочует с пёстрым
 шатром
июль привозит
огни-самопалы
а февраль – симфонию
и палочка взовьёт что метла
с тла симметричные кристаллы

Долго ль до вздоха?

И рождается адажио
и раздражается *tutti*:
воздушный орган
челеста подкровельных
 слаженных

Фебруар

Бруји фебруар
брује *con brio*
дебеле беле жице
његовог чела
На паперјастој партитури
свеже линије трачница
над њима ноте –
птице

Цепти тон над
 орхестром трга
 кружи
амфитеатром

Септембар са шареном
 шатром
јул са ватрама
што се саме пале
а фебруар са симфонијом
и палицом што витла
с тла симетричне кристале

Како до даха?

А онда дође адађо
да зазвуче *tutti*:
ваздушне оргуље
челеста подслемено
 нађиђаних

ледяных самоцветов – и даже
ксилофоны санок

А напоследок
солнца бронзовый гонг
изводится наполовину
из вод –
дню последняя дань:

одно лишь
Do
и оды исход

ледених адиђара
ксилофони санки

На крају
бронзани гонг сунца
до пола извучен
из воде –
дан да одјави:

само за
Do
и да оде

СОДЕРЖАНИЕ - САДРЖАЈ

ЛЕПЕНЦЫ

В начале	20
У почетку	21
***	24
***	25
Зазивање	26
Зазивање	27
Дунай играет в камешки у Вира	30
Дунав се игра пиљака на Виру	31
Починная песнь	32
Начелна песан	33
Считалка на выход	34
незваных из игры	34
Предразбрајалица за испадање незваних из игре	35
Каменная кафизма	36
Камена катизма	37
***	38
***	39
***	40
***	41
Когда камню тяжело	44
и он не может двинуться с места	44
Кад је камену тешко	45
и не може да се помери с места	45
Когда вокруг сушь	46
Кад је суша	47
Считалка на оукливание	48
Разбрајалица за учауравање	49
Шлифовальня Вира	50
Глачање у виру	51

Лепенское коло	54
Лепенско коло	55
Вучедол*	58
Вучедол	59

МИНОИКА

Фестский диск	66
Диск из Фајста	67
Диск из Агиа Триады*	68
Диск из Агија Тријаде	69
Инталия* с шествием вакханок	72
Инталија са поворком бакханткиња	73
Барельеф – шествие кор*	74
Барельеф – поворка кора	75
Барельеф II	78
Барельеф II	79
Два кувшина	80
Две стомне	81
Стела кифареда	82
Стела китарода	83
Каменный пифос*	84
Камени питар	85

ФРАКИЙСКИЙ СЛЕД

Тайна	90
Тајна	91
Ублажење	92
Удварање	92
Рождение созвездия Лиры	94
Настанак сазвежђа Лире	95
Арго	96
Арго	97
Менады	98

Менаде	99
Плоести*	102
Плоести.....	103
Леда	106
Леда	107

ТАБЛИЦЫ ЧЕТЫРЁХ МУДРЕЦОВ

Анахарсис.....	112
Анахарсис.....	113
Клеобул из Линда	122
Клеобул из Линда	123
Фалес из Милета.....	128
Талес из Милета	129
Солон.....	134
Солон.....	135
Ода отсутствию (александрійская таблица) ...	138
Ода одсутности (александрійска таблица)	139

FABULA TRAIANA

Прибытие.....	144
Долазак	145
Письма Плинию*	148
Писма Плинију	149
Caniculae*	152
Caniculae	153
***	156
***	157
Плиний у Вира	158
Плиније на Виру.....	159
Ondinae*	162
Ondinae	163
Бабакај*	166
Бабакај	167
***	172
***	173

ЛИСТАНИЕ КАМНЯ

Год 2009	178
2009.	179
***	180
***	181
Год 1428*	182
1428.	183
***	183
***	189
***	190
***	191
Ночь на Новой Горе*	192
Ноћ на Новом брду	193
Последняя вечеря	196
в Малом граде*	196
Последња вечера	197
у Малом граду	197
Деспот в Девиче*	198
Деспот у Девичу	199
Год 1459*	200
1459.	201
Деспот тужит над Смедерево	206
Деспот тужи над Смедеревом	207
Год 1805*	208
1805.	209

ДЕВИЧ

Златовязь	214
Златовез	214
Церковь Св. Спаса	216
Црква Св. Спаса	217
Богородица Элеуса	218
Богородица Елеуса	219
Неделя*	220
Недеља	221

Цветы.....	222
Цвети	223
Литография	226
Литографија	227
Синайский камень в Девиче	228
Синајски камен у Девичу	229

ЗИМОВЬЕ

Яблоня из Елабути	234
Јабука из Јелабуте	235
Зимовье.....	240
Зимовник	241
Февраль	244
Фебруар	245

Вера Хорват
ДУНАЙСКИЕ
ТАБЛИЦЫ

Перевёл с сербского Олег Комков

PAIDEIA, 2015

